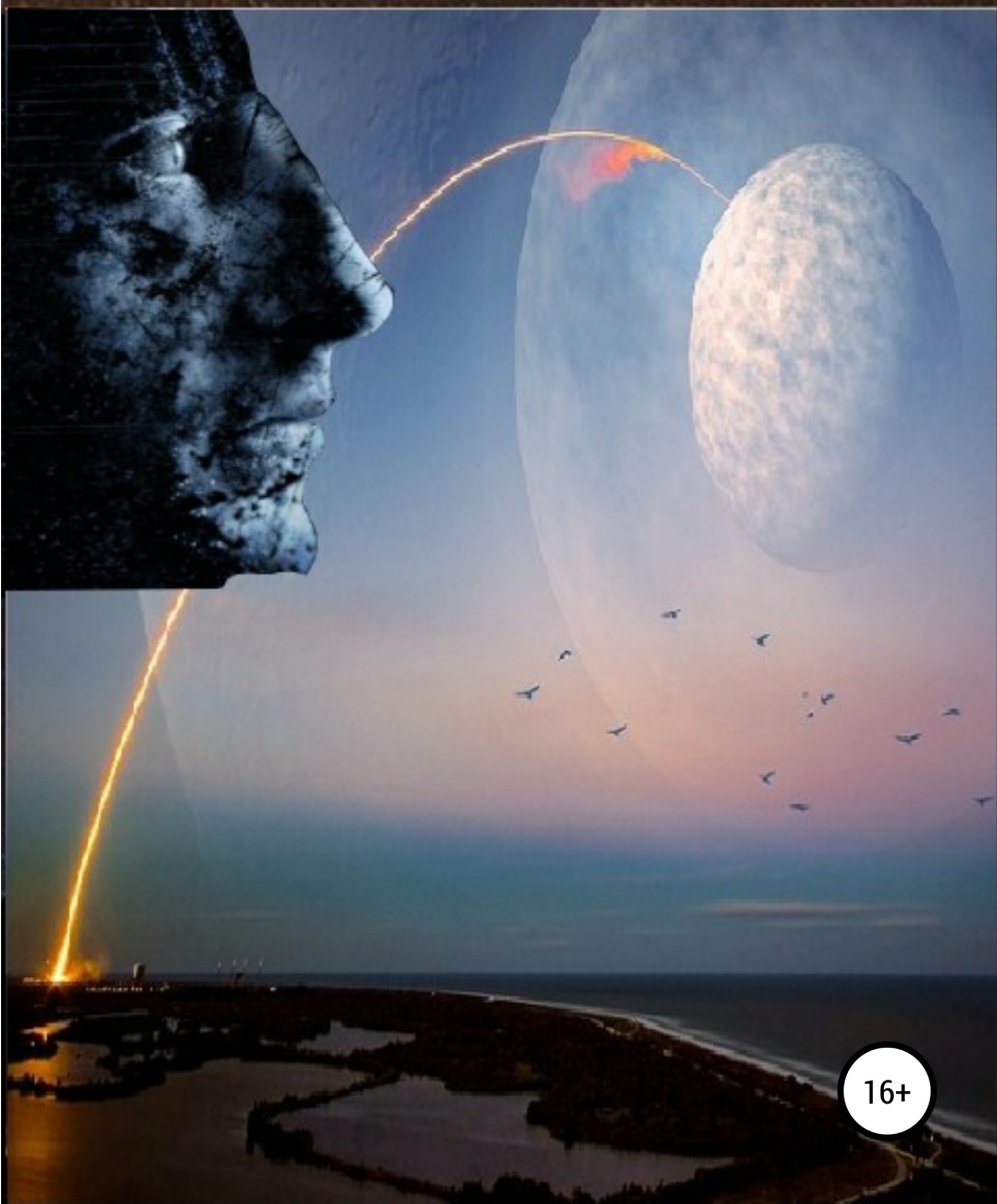

Вадим Тарасенко

Прыжок Волка

Вадим Тарасенко

Прыжок Волка

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Тарасенко В. В.

Прыжок Волка / В. В. Тарасенко — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Офицер спецназа ГРУ Андрей Кедров, спасший цивилизацию фролов, расположенную за сотни тысяч световых лет от Земли и чудом при этом уцелевший, возвращается на Землю. За доставку в Россию уникальнейшего инопланетного летательного аппарата он награждается орденом "За заслуги перед Отечеством". А в глубинах Космоса начинают происходить страшные и необъяснимые вещи. Гибнут звездолеты и люди. И вновь майор спецназа ГРУ оказывается в гуще драматических событий. О звездных войнах, о любви, ненависти и дружбе читайте в романе "Любовь Волка", завершающего трилогию "Волк с планеты Земля".

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	51
-----------------------------------	----

Прыжок Волка

Глава 1

– А-а-а, – тренированные мускулы ног легко бросили восьмидесятикилограммовое тело вперед. Навстречу метнулось что-то пятнисто-зеленное, горячо-дышащее. Прыжок! Хрясь! Рифленая подошва десантного ботинка сорок третьего размера жестко впечаталась в грудь противника. Приземление. Присесть! Нырком в ноги следующему пятнисто-зелено-дышащему. Захват чужих ног. Рывок! Вскочить! Приклад автомата стремительно дернулся вверх-вниз, в нижней своей точке врезаясь в живую плоть. Вперед! Боковое зрение ловит какое-то шевеление справа. Резкий разворот корпусом, палец на мгновение прижимается к спусковому курку.

Тах-тах-тах, – ствол злобно начал плевать стремительным свинцом. Черный силуэт тут же валится навзничь. А вместо него бесшумно возникает стена огня. Вперед! Сгруппироваться! Голову к груди. Прыжок! Жар пламени на мгновение полоснул по телу и тут же остался позади. Вперед! Мозг, обнаружив новое препятствие, мгновенно изменяет ритм бега. Прыжок! Руки цепляются за холодный край стены. Сильный рывок на себя. Тело взмывает вверх и тут же, преодолев препятствие, рушится вниз. Ноги по широкой дуге перелетают через стену. В приземлении глубоко присесть! Кувырком в сторону. И вновь палец вжимает спусковой курок. Длинная, от живота, очередь по черным силуэтам слева. Вскочить! Разбег!

– А-а-а, – тело мощно ринулось в бросок, оставляя под собой трехметровый ров с камнями на дне. Никакой воды – это не детские игры! Руки отчаянно тянутся вперед. Удар! В кровь разбитые пальцы намертво вцепляются в колючий кустарник. Рывок вверх. Толчок ногами и вот уже тело благополучно отползает от жадно отрытой пасти рва. Теперь вперед вверх по склону. Сердце беснуется, словно боек в автомате. Рот жадно хватается воздух, бросая его в раскаленную топку легких. Ноги яростно топчут землю. Метр, еще метр... Все!

– Майор Кедров прохождение полосы препятствий закончил!

Натруженные за день мышцы приятно ныли, восстанавливаясь для завтрашних тренировок. Мозг, наконец-то получивший долгожданный отдых, быстро погружался в сон, словно проваливаясь в какую-то бездну, где нет ни света, ни звука, ни тяжести. Вообще ничего нет. Впрочем, нет, есть главное. Есть воздух, не позволяющий это стремительное погружение в пучину беспмятства сделать необратимым. Он словно висящий над бездной небытия страховочный трос, по которому отдохнувший мозг вновь вскарабкается к свету, к теплу, к жизни. А там, в двух миллионах световых лет отсюда, где тоже не было ни света, ни звука, ни тяжести, этот страховочный трос готов был вот-вот оборваться – запаса кислорода у Андрея Кедрова оставалось всего на десять минут...

... Пульсирующая красная точка перед глазами на внутренней стороне щитка шлема, словно бившееся в отчаянии сердце. Через десять минут раздаться протяжный звук зуммера и пульсация прекратится – компьютер доложит, что кислород закончился. Доложит задыхающемуся, с судорожно открытым ртом человеку. Еще несколько секунд мучительной агонии и все – посиневший труп на медленно остывающем космическом десантном боте. Космос равнодушно примет еще одну свою жертву. Он так и умрет, даже не узнав, где он оказался. В Космосе? Это понятно. Только странное это место. Вокруг, на какой экран внешнего обзора не посмотри, чернота. Чернильная чернота. Ни единой звездочки! Словно бот с Андреем Кедровым ухнул в какой-то огромный, глубокий-глубокий колодец.

«А может я не вышел из гипера? Да нет, непохоже. Все приборы, компьютер, все работает. Если бы я не вышел из гиперпространства, бот был бы мертв, ни единой светящейся лампочки на панели управления», – Андрей, в который раз бросил взгляд на панель управления, усыпанную светящимися индикаторными лампами, на экран монитора, с безмятежно голубым экраном, на котором были выведены десятки параметров многочисленных систем корабля.

Все они были окрашены в спокойный зеленый цвет – десантный бот находился полностью в рабочем состоянии. А насколько успел узнать землянин о технологии гиперпространственных переходов, в гипер не одна система, ни один прибор не работал. Словно кто-то невидимый дергал вниз ручку рубильника питания, омертвляя все. Все, за исключением человека. Его «ручка рубильника питания» по-прежнему стояла в гордом вертикальном положении.

Правда «ручка» Андрея после этого, прямо таки гигантского, гиперпрыжка несколько «наклонилась» – при малейшем движении позвоночник отзывался нестерпимой болью. Еще бы, дыра в пространстве, «заряженная» на целую планету, получила на съедение крохотный десантный бот, массой в миллионы раз меньшей массы предназначенной на заклятие планеты. Это все равно, что под боек копра, вгоняющего в землю многометровые железобетонные сваи, подсунуть небольшой гвоздик. Выражение «загнать по самую шляпку» в данном случае также правильно описывало этот процесс, как передвижение костяшек на спицах счет описывает работу компьютера с его террагерцами тактовой частоты процессора. И еще хорошо, что возникающие при таком «вколачивании про самую шляпку» перегрузки не находятся в прямой зависимости от уменьшения массы «гвоздя». Иначе бы Андрей Кедров в прямом, а не в переносном смысле слова, слился бы со своим десантным ботом. Но все же зависимость между силами, швырнувшими бот в гиперпространство и его массой, естественно, была. Бог милостив, но не настолько же...

Перегрузки прессовали человеческое тело, вминали в спинку ложементы. Несколько раз Андрею казалось что все, еще секунда и его грудная клетка просто схлопнется внутрь, как схлопываются старые звезды, исчерпавшие всю свою энергию и больше не способные сопротивляться собственному же весу. Но проходила эта секунда, грудная клетка оставалась на своем месте, впрочем, как и все остальные органы тела. И лишь круги перед глубоко провалившимися внутрь глазами, становились все больше и ярче, готовые вот-вот взорваться ослепительным фейерверком. Но «фейерверк» все откладывался и откладывался.

«Господи, хоть бы сознание потерять что ли», – мысль натужно, словно и ее вес многократно увеличился, вползла в голову Андрея.

И тут же острая боль в спине, наконец, взорвала фейерверк перед глазами, окрасила его в красные цвета, а потом долгожданная спасительная темнота, мгновенно отсекающая боль и страдания...

Боль, вместе с сознанием вернулась, а вот темнота не ушла. Сколько пришедший в себя человек не тер глаза, сколько он не всматривался в экраны внешнего обзора, они были черны, ни кванта света. Так, судя по часам на десантном боте, прошел день, прошел другой, прошел третий. Время, вперемежку с болью и неизвестностью тянулось медленно. Судьба словно давала Андрею Кедрову возможность вспомнить и обдумать все ту цепочку событий, которая привела его сюда – в какое-то странное место во Вселенной, где не было ни искорки света, место, наверняка удаленное и от Земли и от Матери на миллионы и миллионы световых лет.

Матеря, Эльдира... – мысль о жене, о ее последних, услышанных им словах, резанула болью сильнее боли в позвоночнике. И даже сейчас, на Земле, лежа на уютной кровати в собственной двухкомнатной квартире при воспоминании о жене, Андрей застонал во сне. Застонал и проснулся.

За не зашторенным окном, равнодушные к человеческим страданиям, светились звезды. И этот холодный блеск, в который раз, леденящей волной накрыл Кедрова.

«Господи, как же они далеко. А Альтию отсюда даже в телескоп не увидишь. Шестьсот тысяч световых лет... И, словно мгновенно пройдя это невообразимое расстояние, в голове Кедрова вновь раздался отчаянный крик его жены, крик Эльдиры: «Андрей!! У нас будет ребенок!!»

«О, Господи. Зачем?»

Ответа на этот человеческий вопрос-воплъ, естественно, не последовало. Только все также холодно блестели звезды за не зашторенным окном...

Зачем он оказался именно в то время и в том месте, куда совершил аварийную посадку десантный бот с несколько секунд назад взорвавшегося кроковского звездолета, точнее тяжелого гиперпространственного крейсера? И зачем он даже не попытался бежать с этого места, а вступил в скоротечный ожесточенный бой с пришельцами? Результат – один, расчлененный лазерным лучом, труп крока и он за шестьсот тысяч световых лет от Земли, на Арикдне – столицы могущественного государства кроков – Содружества Свободных Планет. А могучий поток событий нес его дальше. Страшные рудники Гамеда с его серыми волнами-убийцами, знакомство с Лю, отчаянный в своей безнадежности побег и, как посланные Богом ангелы-хранители – отряд фролов, совершавших свой очередной дерзкий рейд, во главе с Главным Командором...

Перед глазами Андрея возникло мужественное лицо Матрула ДарВула – Главного Командора фролов, члена Верховного Совета Достойнейших, ставшего его тестем, отца Эльдиры. Эльдира... Высокая, статная, своенравная девушка. Сильная девушка, а по фроловским меркам просто могучая. И вот эту девушку он сумел покорить, вернее, ему тогда казалось, что он сумел ее покорить, завоевать сердце и тело, намотать ее длинные черные волосы на свою руку – Эльдира любила в постели устраивать разнообразнейшие и волнующие чувственные представления. Особенно она любила изображать рабыню, которую наказывает ее хозяин. Властная натура хотела хоть в играх познать неведомое – что значит быть покорной. Потом был побег к челам – к расе, родственной фролам и к которой, в принципе, принадлежали и земляне. По крайней мере, спираль земной ДНК была закручена в ту же, левую сторону, что и спираль ДНК челов, в отличие от правосторонней спирали кроков. Андрей стремился передать челам информацию, полученную от Харка – главы крупнейшей оппозиционной партии кроков, стремящегося стать Президентом Содружества Свободных Планет. Информацию о плане атаки кроков на планету Эльдурей – бывшую их планету, захваченную челами. Эльдурей являлась стратегической базой, через которую осуществлялась связь с третьим сектором кроковского государства, раскинувшегося на десятки тысяч световых лет. Если бы атака удалась, и кроки отбили свою планету у челов, то Харку президентского кресла не видать, как собственных ушей. Народ любит победителей и многое им прощает. А победителем был бы нынешний Президент кроков – Норк. Президентское кресло многого стоит, в том числе и предательства против своей страны.

Андрей сбежал к челам вместе с Эльдирой, прямо с их свадьбы, на похищенном звездолете Главного Командора! Сбежал, прихватив с собой еще и Лю, с которым он вместе выкарабкивался из рудников Гамеда. А потом была битва при Эльдурее. Человский Военно-Космический Флот против кроковского. Во время боя Андрей, Эльдира и Лю находились на флагманском крейсера челов – в случае, если бы информация Кедрова оказалась ложной, их просто вышвырнули бы через шлюзовую камеру в открытый Космос. Естественно, без скафандров.

И информация оказалась ложной. Атака кроковских звездолетов разворачивалась совсем не по тому сценарию, какой передал Андрей. Даже по прошествии сколько времени по его спине пробежал легкий озноб при воспоминании об этом моменте, когда их в наручниках втолкнули в рубку управления крейсера, и человский маршал Бран с ненавистью прорычал: «Выкиньте их за борт!»

Резкой, какой-то грубой трелью зазвенел мобильник. Полшестого утра. Кедров специально поставил такую мелодию. Ну разве захочется вставать, после всяких там сладеньких, гламурненьких ля-ля-тра-ля-ля? А тут, словно двухметровый детина-сержант заорал во всю свою луженую глотку: «Рота! Подъем!!» Адреналин сразу вбрасывался в кровь, словно бензин

в карбюратор и тут же взрывался в ней, заставляя, что называется, с пол-оборота заводить организм.

Через час, сделав все необходимые утренние процедуры, майор российской армии Андрей Кедров уже был на спортивной площадке, расположенной рядом с казармой.

Сержанты уже дружили своих подопечных, гоняя солдат по плацу, заставляя их подтягиваться на турниках и бегать по узким бревнам, расположенным на двухметровой высоте. То и дело утренний воздух вздрагивал от резких команд: «Сидоров, шире шаг! Мельниченко, не крути задницей! Ты не шлюха, а здесь не дорога, а плац! Абакумов! Живот втяни! И грудь колесом! И побольше пламени в глазах, так, чтоб искры прыгали, как по кошке статическое электричество».

Кедров, услышав последнюю фразу, улыбнулся.

«Сразу видно, что Барсуков окончил два курса института. Не мать вспоминает, а статическое электричество», – офицер еще раз улыбнулся и приветливо махнул рукой высокому, широкоплечему, наголо бритому парню с сержантскими лычками на погонах, фигурой напоминающего рабочего со знаменитого плаката: «Перекуем мечи на орала». А кличка у Барсукова «соответствующая», с юмором – Барсик.

Тот, вдохновленный дружеским приветствием своего командира заорал еще громче: «А ну, спецназ, давай крутись у меня, как пчёлка в колесе!»

По самому краю плаца, заложив руки за спину, неторопливо, с ленцой курсировал дежурный по роте, сержант Пьяных. Увидев комроты, он громко прокричал: «Смирно!» и быстрым шагом подошёл к Андрею и отдав честь, четко доложил:

– Товарищ майор. Во время моего дежурства происшествий не случилось. Рота проводит занятия по физподготовке. Дежурный по роте сержант Пьяных.

– Вольно, сержант. Продолжайте занятия.

– Есть продолжать занятия! – и, по-уставному, четко, повернувшись лицом к роте, командовал:

– Рота! Продолжить занятия!

И вновь спецназовцы – рослые, физически крепкие парни принялись разминать бугры своих мышц. Действительно, только разминать. Потом у них будут занятия по рукопашному бою, потом по огневой подготовке, а на десерт, как предусмотрено расписанием занятий – этой библией боевой готовности, марш-бросок вокруг и на гору Крутая. Отлаженная за десятилетия школа подготовки бойцов спецназа, захватив в свои жесткие объятия подходящий, физически крепкий материал, через год отковывала из него надежное и эффективное оружие государства, способное уничтожать его врагов в любых условиях и любыми средствами, хоть голыми руками.

И этот год заканчивался. Через неделю, получив вливание новой крови, тридцать седьмая отдельная рота специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба министерства обороны Российской Федерации вновь займется привычным делом – обеспечением конституционного порядка на территории Российской Федерации – так это официально будет звучать в приказе, который зачитают накануне отправки. Отправки в знакомый район – Дагестан. Вот уже почти два столетия, с тех пор, как российские войска под командования героя Отечественной войны генерала Ермолова вторглись в глубь Чечни и горного Дагестана, окружая горные районы тесным кольцом укреплений, прокладывая дороги и просеки в труднопроходимых лесах и сжигая непокорные аулы, на Кавказе льется кровь. Вольнолюбивые кавказские народы никак не могут смириться с тем, что на них легла густая тень двуглавого российского орла.

Но очень часто бывает так, что справедливое стремление народов к независимости вступает в противоречии с инстинктивным стремлением других народов создавать и расширять империи – этих локомотивов истории для определенного исторического времени. А Бог, хоть

европейский Христос, хоть мусульманский Аллах, как известно, пусть и милосерден, но, в первую очередь, он поступает целесообразно. А целесообразность, пока на стороне имперских народов. Вот поэтому и загнаны индейцы в резервации на своей исконной земле, а кавказцы объявлены гражданами России. Кто с этим не согласен, рано или поздно будет гнить в земле с пулей в груди или в голове.

Правда, через несколько десятилетий может оказаться так, что целесообразней для исторического развития будет замена изнеженных европейцев жестокими, но сильными, патентными мусульманами. Что ж, Париж стоит исторического прогресса. И Бог тогда не сильно огорчиться, если на шпиле собора Парижской богородицы, точнее на шпиле мечети святой Мариам всплывет мусульманский полумесяц, столкнув оттуда христианский крест под вопли вырезаемых парижан. Бог, повторяю, милосерден, но в первую очередь, он целесообразен.

А пока... а пока майору российской армии, командиру тридцать седьмой отдельной роты специального назначения ГРУ вместе со своими бойцами предстояло лететь в Дагестан – российской двуглавый орел, чтобы удерживать свою добычу всегда должен иметь острые безжалостные когти.

Майор российской армии, сразу из лейтенантов, минуя звания старшего лейтенанта и капитана. Точнее, звание старшего лейтенанта ему присвоили заочно, засчитав время, проведенное вне Земли. А вот капитанскую ступеньку он просто перескочил. Как Гагарин. Он тоже после своего первого в мире космического полета тоже перепрыгнул через одну воинскую ступеньку. И тоже стал майором. Если, конечно, под миром считать планету Земля или даже Солнечную систему, не более. Те же челы, кроки и фролы проникли в Космос на несколько столетий раньше, не говоря уже об ирах и мнечах – этих первых цивилизаций во Вселенной, что-то вроде библейских Авеля и Каина.

«Мнемы... Лю», – глядя на обнаженные до торса, мерно дышащие мускулистые тела Андрей вновь невольно вернулся к своему совсем недавнему прошлому. И вновь в его голове зазвучал рык человеческого маршала Брана: «Выкиньте их за борт!». Тогда Андрея и Эльдиру спасли мнемы – сверхмогущественная цивилизация, о которой среди кроков, челов и фролов ходило столько легенд, и представителей которой никто и никогда не видел. А Лю, с которым Андрей делил кабину рудодобывающего комбайна на Гамеде и с которым, оставляя за собой трупы кроков, пробивался на поверхность этой страшной планеты, оказался принцем империи мнемов. И Лю, как современный принц, окончив Военную Академию мнемов, служил в военном флоте. Однажды, осуществляя один из рядовых разведывательных полетов, из-за сбоя в системе управления, его звездолет после гиперпространственного перехода оказался в секторе Вселенной, контролирующемся кроками. Корабль вынырнул в сотне километров от одной из планет – пара секунд полета для флагманского крейсера. Экстренное торможение не помогло. На скорости более десяти километров в секунду корабль врезался в планету. Погибли все, кроме Лю. За те несколько секунд, которые оставались до столкновения, командир звездолета катапультировал принца, тем самым мгновенно погубив себя и всех людей, находящихся в рубке. Раскаленный воздушный поток, на такой скорости становящийся вязким как жидкость, ворвавшись в рубку, тут же кремировал находящихся в ней людей.

Кроки, зафиксировав падение, уже через час были на месте катастрофы. Это и спасло Лю – обгоревшего, со многими переломами, лежавшего недалеко от места падения звездолета. Корабль был замаскирован под человеческий звездолет. На принце была форма человеческих военных пилотов. Сам он отлично знал человеческий язык, впрочем, как и кроковский тоже. Перед разведывательными полетами, при помощи специальных биотехнологий светловолосые голубоглазые мнемы превращались в обычных сероглазых, русоволосых челов. Вылечив и не зная, кто он таков, кроки отправили принца на рудники Гамеда. Неписанные законы мнемов не разрешали просить помощи у других, менее развитых цивилизаций. Выпутывайся сам. Даже если ты принц. Вот Лю и выпутывался. Вместе с Андреем. Результат – ядерный взрыв на руднике

Гамеда, вывороченный огромный щит, закрывающий вход в рудник, а точнее, в данном случае, выход из него. Бесшумная пальба из бластеров и вовремя подвернувшиеся фролы, совершавшие рейд на Гамед. Фортуне, как и всякой женщине, нравятся смелые, отчаянные мужчины.

А потом была жизнь на Матее – единственной планете фролов. Жизнь вместе с Эльдирой. Прощенный за свой побег Главным Командором, Андрей поступил в Военно-Космическую Академию фролов, осваивая немыслимое для Земли оружие и средства передвижения, среди которых самым простым был десантный бот, что-то вроде «бахчи»¹ для российского десантника. Что называется, живи и радуйся. Красавица-жена, по которой у многих фроловских парней, да и не только парней, а и тех, у кого уже седина в бороду и которые не прочь ради Эльдиры подставить бесу свое ребро, слюни текли, хоть таз подставляй. Учеба в элитной Военно-Космической академии, зять Главный Командор фролов, что-то вроде министра обороны и Верховного Главнокомандующего в одном лице. Жизнь перед Андреем раскинулась широким и прямым проспектом, ни кочки, ни ямы. Но... хочешь рассмешить Бога, расскажи ему свои планы.

В астероидном поясе Арбзира, который словно щит защищал Матею от атак кроков, пропал астероид – так фролы впервые узнали о страшном оружии, появившемся у их врагов. Оружии, способном вбрасывать в гиперпространство не только астероиды, а и в перспективе, целые планеты. И чтобы эта перспектива не превратилась в ужасную реальность, фролы совместно с челами решили нанести упреждающий удар по центру разработки этого оружия.

Совместно с челами... Человский отряд боевых звездолетов возглавлял генерал Рахад Виргул – молодой красивый мужчина, который привык побеждать и кроков, и женщин, и одерживать победы не только в Космосе, но и в постели. И такую соблазнительную добычу, как Эльдира, чел, конечно, пропустить не мог. И что мог противопоставить землянин Андрей Кедров против чела? Свой курсантский значок против его генеральского? Свою ауру обычного человека, причем с отдаленной слабо развитой планеты против ауры блестящего молодого генерала, одержавшего немало побед в Космосе, представителя могущественной цивилизации? Это все равно, что сравнивать какого-нибудь эскимоса, случайно попавшего в высший свет английского общества с прославленным адмиралом Нельсоном. К тому же у Рахада Виргула, в отличие от англичанина, оба глаза были на месте. Единственно, что мог сделать тогда еще бывший российский офицер, так это, как говорили у него в родной воронежской деревне, надавать пиндюлей своему сопернику. Что он и с удовольствием сделал накануне рейда на Суриму, где размещался кроковский центр разработки нового оружия. Терять, в принципе, было нечего. Главный штаб Военно-Космического Флота фролов на своих умных компьютерах насчитал аж целых десять процентов вероятности выживания. То есть с рейда на планету, удаленную от Матеи на более чем сто тысяч световых лет должен был вернуться лишь каждый десятый. В русской рулетке в семизарядный наган вкладывался один патрон, потом вращали барабан, приставляли дуло к виску и нажимали на спусковой крючок. Шансов выжить – шесть из семи. В фроловской рулетке в десятизарядный револьвер вставляли девять патронов...

В том рейде погиб Главный Командор, отец Эльдиры. А они выжили. Они – это землянин и чел, Андрей и Рахад. Причем чел в том рейде спас землянина, рискуя своей жизнью и жизнью своего экипажа, приостановив старт своего звездолета с Суримы.

И снова Эльдире надо было выбирать. Выбирать, будучи уже Главой Совета национального спасения – на Матее, среди фролов вспыхнула гражданская война. Часть общества, во главе с Главным Судьей жаждала перемирия с кроками, вторая часть во главе с Эльдирой настаивала на продолжении войны до победного конца или гибели в черных подвалах гиперпространства.

¹ «Бахча» – Боевая машина десанта (жарг.)

Нет, такой роскоши – выбирать из двух мужчин Андрей своей жене не предоставил. Все его мужское естество восстало против этого. Мужчина должен выбирать, а не женщина! Он сам сделает свой выбор. И выбор Андрей Кедров сделал. Эффектный, шумный выбор. С битьем, нет, не тарелок, а бронебойных окон в здании Верховного Совета Достойных. Ух, как он тогда на десантном боте уходил в Космос вместе с перепуганным Главным Судьей на борту...

– Рота! Шире шаг! А ну, запевай! – зычно скомандовал сержант Барсуков.
И тут же весело грянуло:

Есть нехоженые тропы
И заветные слова:
Абакан², тельняшка, боты³
И в берете голова.
Ах, спасибо тебе, мама,
Что к спецназу годен я!

Сто пятьдесят спецназовцев повзводно, четко печатая шаг, замаршировали по плацу. К ротной казарме стали подтягиваться командиры взводов. Увидев своего ротного, они быстрым шагом, переходящим в строевой, подходили к Кедрову и докладывали:

– Товарищ майор. Лейтенант Кожемякин прибыл для проведения занятий со своим взводом.

– Товарищ майор. Старший лейтенант Евстюхов прибыл для проведения занятий со своим взводом.

– Товарищ майор. Лейтенант Доставалов прибыл для проведения занятий со своим взводом.

– Товарищ майор. Старший лейтенант Васильев прибыл для проведения занятий со своим взводом.

Новый день, как сжатая тугая пружина, получившая, наконец, свободу распрямлялся, щедро выплескивая энергию, накопленную за ночь, энергию ста пятидесяти мужских тел – тридцать седьмой отдельной роты специального назначения ГРУ.

После завтрака рота, разбившись на пары, начала отрабатывать приемы рукопашного боя, а конкретно, приемы работы с ножом. Кедров добивался, чтобы техника работы с ножом была доведена до автоматизма. Прошли те времена, когда спецназовцы, закрывая собой огромные прорехи в организации управления войсками, вызванные извечным русским бардаком, непрофессионализмом офицеров, а то и просто прямым предательством, воевали как обычная пехота, сходясь с духами, а потом и с «чехами»⁴ в рукопашный бой. Тогда ценились умение работать штыком, стволом и прикладом. Но времена изменились. С трудом, большой кровью, но Чечню опять привели к покорности. Множество боевиков вместе с их командирами было уничтожено, поэтому массовых бандформирований уже не было. Да и от офицеров-предателей армия постепенно очистилась. Очистились от предателей и выше, возле самых рубиновых звезд. Трагедии, когда девяносто десантников закрывали собой проход из Аргунского ущелья, не давая вырваться оттуда почти трем тысячам боевикам, случиться больше не должно. Как и предательства. Эти девяносто человек – рота воздушно-десантного полка почти сутки вели бой с тридцатикратно превосходящим их врагов. Сутки. А помощь к ним так и не пришла...

² Абакан – автомат Ан-94, которым вооружены спецподразделения российской армии

³ Боты – обувь спецназа (жарг).

⁴ «чехи» – чеченские сепаратисты

Этот проход был куплен боевиками у российских генералов, а рота десантников – лишь прикрытие, чтобы предательство не было таким явным.

Спецназ возвращался к привычным для него задачам, ради которых и был создан – проведение диверсионной и разведывательной работы в тылу врага. А для диверсионной работы больше подходила тихая работа ножом. И не вина этих крепких, смелых парней в том, что тыл врага оказался на их Родине, в России.

Спецназовцы отрабатывали нападение на противника сзади, имитируя удар ножом под левую лопатку, одновременно закрывая рот «противнику» левой рукой. Раз за разом парни повторяли эти движения, стараясь довести их до автоматизма, вбить их в рефлекторную память мышц, чтобы, когда понадобится, сработать четко и молниеносно, не думая. Думать, как это сделать, значит потерять драгоценные десятые доли секунды, за которые противник вполне может нажать спусковой курок, поднимая тревогу. То, что спецназовец, изготовившись к броску, ни мгновения не думает о том, что перед ним человек со своим внутренним миром, подразумевалось. Полгода усиленных психологических тренировок гарантировано вышибали из головы эту блажь, заменяя непререкаемой истиной: «Враг не человек. Если необходимо, то он должен умереть мгновенно».

После нескольких десятков «подходов» рота Андрея Кедрова начала отрабатывать другое упражнение – нападение на противника спереди. Бойцы умело нападали на «противника», нанося удар «ножом» сверху в область сердца, одновременно закрывая ему рот предплечьем левой руки. После этого моментально «выдергивали нож», обхватывали правой рукой шею «противника» и, навалившись и подбив ногой сзади, сваливали его и «наносили» повторный удар ножом в область сердца или сонной артерии. При работе ножом контрольный удар также необходим, как и при применении огнестрельного оружия.

– Травкин, резче хватай противника за шею, это тебе не твоя девушка, – сделал замечание лейтенант Кожемякин, наблюдая за действиями солдат своего взвода.

На щеках молодого парня с нежным, почти девичьим лицом выступил румянец. Он отошел от своего, скалившего зубы, товарища по взводу на положенные два метра и вновь кинулся на него. Резкий выпад согнутой в локте левой рукой и тут же резкое движение правой рукой с зажатым в ней деревянным ножом. Вновь быстрое движение той же руки, обхватывающей «противника» за шею, удар ногой по чужому голеностопу и вот быстрый завершающий удар в шею.

– Вот, совсем другое дело. Продолжать занятия.

... Он еще раз встретился со своей женой, с Эльдирой. Встретился на борту крейсера этого ненавистного чела, Рахада Виргула. Встретился как парламентар, прибывший договариваться с Эльдирой от лица Главного Судьи. Договариваться с собственной женой. Не договорились. Точнее, не успели. Появились кроковские звездолеты, несущие супербомбу, способную вбросить в гиперпространство Матею. Это означало смерть, смерть фроловской цивилизации, ведь другой планеты у них уже не было.

Гиперпространственная бомба, выполненная в виде звездолета, нырнула в гипер, чтобы почти мгновенно вновь вынырнуть в этом мире, вынырнуть на орбите фроловской планеты. Счет пошел на минуты. Уже в Космосе возникло и стало стремительно увеличиваться в размерах черное пятно. Оно было черным даже на фоне черного Космоса. Ни кванта света. Это был вход в гиперпространство, вход в преисподнюю. А какой в преисподней свет? Только абсолютный мрак. И в этот мрак неслась бело-зелено-голубая красавица-планета. Неслась с точностью экспресса, прибывающего на станцию, не ведающая что эта остановка конечная, дальше рельсы заканчивались, точнее обрывались в пропасть.

Андрей на десантном боте через гипер прыгнул к этому звездолете-убийце, пытаясь тараном уничтожить его. Но не рассчитал, не дотянул каких-то три тысячи километров, одну тысячу

ную световой секунды – сущую ерунду по меркам космических цивилизаций, привыкших передвигаться быстрее света. А Матея уже стремительно вырастала за его спиной. Какая уж тут Москва, планета с десятью миллиардами человек за плечами. Землянин принял тогда единственно правильное решение. Врубив на максимальную мощность движки десантного бота, он устремился прямо на это разрастающееся черное пятно...

– Товарищ майор, обед... – перед Кедровым с виноватым видом, будто он повинен в том, что даже спецназовцы периодически нуждаются в пополнении своих энергетических запасов путем принятия пищи, стоял сержант Пьяных.

Андрей быстро взглянул на часы – двенадцать часов.

«Твою мать. Обед. Солдат твоими воспоминаниями сыт не будет».

– Рота! – громко, протяжно закричал он. – В колонну по четыре! Повзводно! Становись! И тут же его взводные, дублируя комроты, закричали:

– Первая рота! В колонну, становись!

– Второй взвод! В колонну, становись!

– Третий взвод! В колонну, становись!

– Четвертый взвод! В колонну, становись!

– Рота! В столовую на завтрак шагом марш! Песню запевай! – скомандовал Кедров.

И тут же признанный солист Барсуков затянул:

Есть нехоженые тропы

И заветные слова:

И тут же почти девяносто глоток подхватило:

Абакан, тельняшка, боты

И в берете голова.

Ах, спасибо тебе, мама,

Что к спецназу годен я!

Грохоча десантными ботинками по бетонным плитам плаца, шестая рота майора Андрея Кедрова весело направлялась к любимому всеми солдатами помещению – столовой.

Полосатая натура! По приказу сразу – в бой.

Как воют диверсанты, позавидует любой!

Для кого – то пуля – дура, а у нас без дураков.

Так воют диверсанты, убивая всех врагов.

... Абсолютная темнота быстро заполнила собой головной экран внешнего обзора. Землянин уже был на пороге в иной мир, на пороге квантовой ловушки, расставленной кроками для фроловской планеты. И тяжелый десантный бот Андрея, попади он в эту могущественную, но тонко устроенную квантовую ловушку – ажурную конструкцию гравитонов и виртуальных частиц, сотворенную хитрым танцем-пульсацией электрического тока в обмотке нуль-континуум генератора гиперпространственной бомбы кроков, был бы даже не слоном в посудной лавке. Трехэтажный сто тонный бульдозер утюжил бы тогда «тонкий фарфор и звонкий хрусталь».

«Пора!» – мелькнуло в голове, заставив человека болезненно сморщиться. Могучий инстинкт самосохранения неистово бунтовал против принятого мозгом решения – убить себя и спасти Матею.

Один за десять миллиардов. В любой бизнес-школе скажут, что лучше этой сделки не бывает. Лишь бы только Господь принял эту ставку.

– Рахад! – раздалось в эфире, – через пятнадцать секунд бей по мне!

«А ведь умирать совсем не страшно», – человек не понял, нет, он ошутил эту мысль.

Ощутил и успокоился. Господь принимает эту ставку и милосердно освобождает его от всех забот и волнений. В лодку к Харону сядет спокойный, чуть ли не улыбающийся клиент, а не перепуганное, исходящее холодным липким потом существо. Жаль только, что его убивать будет его же соперник за сердце и тело Эльдиры – Рахад Виргул. Бог милостив... но за все надо платить. Впрочем, разве это плата за такую сверхвыгодную сделку? Да и определенности станет больше. Классический любовный треугольник через несколько мгновений разрушиться, вытянется в прямую линию.

Но разве простым смертным дано до конца постичь головоломную, тонкую игру Бога? Естественно, нет. Невозможно выиграть у Того, кто устанавливает правила игры и у кого количество козырных тузов неограниченно.

И на стол легла еще одна карта Бога:

– Андрей!! – женский вопль на несколько мгновений опередил, мчавшийся за ним боевой лазерный луч. – У нас будет ребенок!!

И тут же мириады квантов света наотмашь хлестнули по десантному боту, вталкивая «бульдозер» в «посудную лавку», разнося ее в клочья и не давая человеку и мгновения, чтобы как-то отреагировать на эти слова. Занавес.

Бог в очередной раз подтвердил, что он гениальный, непревзойденный режиссер.

Огневая подготовка – краеугольный камень спецназа. Можно быть каким угодно прекрасным рукопашником, но если «Абакан» и АПСБ⁵ не являются продолжением твоей руки, то, как спецназовцу, грош тебе цена. Потому как врукопашку ты можешь уничтожить двух-трех, ну от силы четырех врагов, а вот виртуозно владея штатным огнестрельным оружием, можно навсегда уткнуть в землю и взвод врагов. Вот поэтому рота Андрея Кедрова стреляла, стреляла и стреляла. Стреляла из пистолетов, пистолет-пулеметов, автоматов, снайперских винтовок и гранатометов. Стреляла, чтобы в любой момент мгновенно превратиться в разящий во все стороны огневой кулак, сеющий вокруг себя смерть и разрушения.

Знакомый до последней кочки полигон. Пронзая синеву неба, носятся разные пичуги, над которыми неспешно плывут белые хлопья облаков. Недалекий лес чуть слышно шелестит листвой. Вскоре эта идиллия закончится. Голубой купол неба вспорет белая ракета, и весь этот тихий говор природы властно перекроет грубый рык бога войны Марса. Над истерзанной землей в очередной раз повиснет густой рокот автоматных и пулеметных очередей, перемежающийся с шипеньем уходящих на цель «Метисов»⁶ и частым тяжелым уханьем гранат от АГС-17 и неизбежных матюгов взводных.

Отрабатывался сценарий – рота в полном окружении ведет оборонительный бой. Фанерные мишени атаковали со всех сторон одновременно. И навстречу им точно, прицельно летел стремительный металл.

– Сектор пять! Огонь!

Сектор восемь! По скоплению живой силы огонь!

Похожий на медведя сержант Игорь Барсуков, Барсик, мгновенно разворачивает тяжелый АГС-17 «Пламя» почти на девяносто градусов и вдавливая гашетку. Ствол автоматического станкового гранатомета быстро стал выплевывать из себя гранаты, полностью накрывая указанный сектор, превращая в прах фанерные мишени. Второй номер расчета быстро из под-

⁵ АПСБ – автоматический пистолет Стечкина бесшумный, используется спецподразделениями российской армии

⁶ «Метис» – переносной противотанковый ракетный комплекс 9К115

сумка достает вторую ленту с выстрелами – патронами калибром тридцать миллиметров, в которых вместо пули были установлены гранаты со взрывателями.

Наблюдая за действиями своих подчиненных, майор Кедров невольно вспомнил своего преподавателя по огневой подготовке подполковника Немченко. Он так виртуозно владел этим грозным оружием, как Паганини своей скрипкой. За это он, будучи еще лейтенантом и зарабатывал свой орден Боевого Красного Знамени. В восемьдесят четвертом году лейтенант Александр Немченко после окончания Рязанского военно-десантного института и полгода учебки спецназа ГРУ был направлен для дальнейшего прохождения службы джелалабадский батальон спецназа в Афганистане. Этот батальон специализировался по уничтожению главарей моджахедов. Его личный состав был натаскан и физически и психологически работать в афганских кишлаках в условиях полной темноты, озаряемой лишь вспышками выстрелов. Работать для джелалабадского батальона означало врываться в незнакомые кишлаки или укрепленные базы в горах, круша все без разбору. Особенно любили бойцы применять самодельные пики, изготовленные из стальной арматуры, которые носились на поясе в специальных ножнах из обычного резинового шланга. Эти пики были гораздо удобнее штык-ножей и ножей разведчика – они были длиннее и их можно было использовать не только как колющее и метательное оружие, но и как стальные дубинки.

В феврале следующего года джелалабадский батальон по наводке местного управления ХАД⁷а делал налет на один кишлак. Хадовские агенты заманили Пишу – одного из наиболее влиятельных лидеров исламской оппозиции на востоке Афганистана и нескольких его приближенных в небольшой кишлак под предлогом проведения переговоров. Глубокой ночью спецназ зашел в кишлак. Его бойцы начали работать пиками, убивая все, что двигалось. В темноте у бойца не остается времени для расспросов. Да и что можно понять из криков на непонятном гортанном языке? Просят тебя о пощаде или угрожающе кричат? А секунда промедления и в спецназовца могли вогнать несколько десятков грамм свинца. Ошибиться было нельзя. Ведь ставкой была его жизнь. Да и опыт войны в Афгане показал, что отпущенные с миром мирный дехканин, как правило, возвращался, ведя за собой отряд моджахедов.

Но кто-то из афганцев все же поднял тревогу – ночную тишину вспорола автоматная очередь. И словно ад сошел в этот кишлак для наших ребят. По ним стреляли ото всюду – из-за каждого дувала, из каждого окна дома. Ситуация сразу стала критической – спецназ уже глубоко увяз в кишлаке, поэтому тут же оказался в окружении. Начались потери. Организовать круговую оборону с тем, чтобы продержаться до утра не представлялось возможным. Глинобитные дувалы разрезали весь кишлак на крохотные пятачки земли и, идя вдоль них можно было скрытно пробраться практически в любое место. Чем «духи» и воспользовались. Неожиданно возникая в темноте то здесь, то там, они открывали огонь и тут же исчезали. Положение спас лейтенант Немченко. Почти двухметрового роста, физически очень сильный, он как игрушку выхватил из рук убитого пулей в голову спецназовца тридцатикилограммовый гранатомет и, расчищая перед собой путь короткими очередями, вышел на улицу кишлака и пошел вдоль нее. К нему присоединились сначала с десятков спецназовцев, зачищавших вместе с ним один из дворов, но по мере продвижения по улице к этой группе присоединялись все новые и новые бойцы. Это было фантастическое зрелище. Сотня бойцов, непрерывно паля во все стороны с автоматов и бросая за дувалы гранаты, бегом бежала по улице кишлака. А во главе этой жалящей змеи бежал лейтенант Немченко, в руках которого страшно плевался гранатомет. Если граната, выпущенная из этого страшного оружия, попадала в руку, то просто отрывала ее. А выпущенная очередь образовывала в дувале дыру, сквозь которую мог пролезть человек...

Пробившись на окраину кишлака, спецназовцы не растаяли в темноте ночи. Перегруппировавшись и сплотившись, они вновь повели атаку на кишлак по всем правилам тактики

⁷ ХАД – аббревиатура (на языке дари) афганской Службы государственной информации (аналога советского КГБ)

взятия вражеского населенного пункта – подавляя огневые точки, прикрывая огнем перебежки своих товарищей, атакуя одновременно в нескольких местах. К утру кишлак был полностью зачищен. Последних «духов», пытавшихся выйти из кишлака, уничтожили солдаты обычного мотострелкового полка, взявшие в кольцо кишлак. Всего было уничтожено более четырехсот моджахедов, среди которых было двадцать восемь главарей различных отрядов исламского сопротивления. Примерно столько же было уничтожено и условно мирного населения. Беспрецедентная по своей жестокости и эффективности шоковая терапия была настолько отрезвляющей, что почти на месяц активность моджахедов в данном районе была сведена на нет.

А на полигоне, между тем, идет новая вводная:

– Газы!

Спецназовцы, не прекращая огня, быстро натягивают на головы противогазы. В этот раз взводные и ротный не будут перебегать от одного десантника к другому, проверяя, не подставлена ли в клапан спичка или иной предмет, делающая жизнь чуть комфортней. Тихими, неслышными в какофонии стрельбы хлопками срабатывают газовые мины, и белесый слезоточивый газ быстро окутывает полигон. А «противник» все насаждает и насаждает. В ход пошли оборонительные гранаты Ф-1, а по-простому, по-солдатски – «лимонки».

«В настоящем бою, при такой ситуации через минуту бойцы рванули бы в рукопашную. А атаковать они умеют. Традиции славные заложены».

Когда Андрей еще учился в Рязанском институте Воздушно-десантных войск, уже на первом курсе на занятиях по тактике ему рассказали, как по Маргелову – легендарному командующему ВДВ, чье имя сейчас носит институт, должна атаковать русская десантура.

Командующий присутствовал на одном из учений. По красной ракете офицеры подняли людей в атаку. Десантники с криками: «За Родину! Ура!» поднялись в атаку. И вдруг команда Маргелова: «Отставить, вернуть всех на исходные рубежи». В недоумении десантников возвращают на исходную. Все офицеры строятся близ КП. А дальше последовал разнос Маргелова:

– Вы кого мне показываете? Что здесь происходит? Разве так противника напугаешь? Где русский мат, где расстегнутые гимнастерки, где автоматы на яйцах? – ПОВТОРИТЬ атаку!!

Атаку повторили, как потребовал генерал армии. И когда поднялась десантура с тельняшками на груди, с русским отборным матюгом, стало по-настоящему страшно...

С тех пор ВДВ (чтя своего легендарного командарма Василия Филипповича Маргелова, все десантники переводят аббревиатуру ВДВ не иначе как «Войска для Васи») и родственный им по духу спецназ атакуют врага по Маргеловски, помня его слова: «Е..ть и фамилию не спрашивать!»

Вздохнув, словно ему не хотелось заканчивать этот прекрасный спектакль, майор Андрей Кедров поднял правую руку над головой с зажатой в ней ракетницей и выстрелил. Зеленая дуга возникла в небе, призывая спецназ успокоиться и на короткое время вернуться к относительно мирной жизни.

«Ничего, еще побалуются со своими игрушками. Скоро побалуются, очень скоро...»

Глава 2

Майор Бахруд Карштан с наслаждением откинулся на спинку кресла. Кресла командира новейшего эсминца «Генерал Бразул»! Все его детские мечты, похоже, стали переходить в явь. Он мечтал поступить в Военно-Космическую академию и поступил. Поступил с первого раза! Он мечтал приколоть себе на грудь значок офицера Военно-Космических Сил и приколот. Он мечтал стать командиром грозного тяжелого крейсера и... нет, пока он еще крейсером не командует. Но он уже командир эсминца. А это важная ступенька на пути к заветному креслу командира крейсера. И эту важную ступеньку он преодолел в двадцать шесть лет. Через два года он уже будет подполковником – должность командира эсминца это позволяет. А там...

главное проявить себя в сражениях с кроками. Уничтожить их звездолеты и самому остаться в живых.

«Эх, завалить бы парочку крейсеров этих правосторонников, как сделал это генерал Рахад Виргул, когда командовал эсминцем. Тогда глядишь, как и он в двадцать восемь лет стану генералом! Парочку крейсеров... эх, тут хотя бы один завалить», – как офицер Военно-Космический Сил Карштан отлично понимал, что уничтожить крейсер эсминцем – это надо, чтобы или очень повезло, или буквально вывернуться наизнанку.

Еще бы! Один только суммарный залп лазерных установок крейсера в несколько десятков раз превышает суммарный залп эсминца. И разве сравнить защитные экраны крейсера с защитными экранами эсминца? Это все равно, что сравнивать скорлупу яйца с той ложкой, которая его лупит, чтобы разбить. Сказано же, что эсминцы – это звездолеты прикрытия. Они должны защищать свои крейсера от вражеских крейсеров и эсминцев, прикрывать их, не давая вражеским кораблям свободно маневрировать около них, выбирая удобный ракурс для стрельбы.

«Ну, ничего. Всесильный Исам поможет. Мало ли что может случиться в бою. Может какой-нибудь крок вынырнет из гиперя рядом со мной. И тут я свой шанс не упущу. Полмиллиона мегаватт я в него засажу», – командир эсминца тряхнул головой, отгоняя сладкие грезы.

Предстояла будничная для Военно-Космических Сил работа – отправляться в составе группы на патрулирование одного из секторов своего государства. Через полчаса вззоет нуль-континуум генератор, узкий поток гравитонов пробьет нулевой энергетический уровень вакуума и буквально из преисподней вырвется мощный поток виртуальных частиц, стремительно раздирающий крохотное, в миллионы раз меньшее, чем ядро атома водорода, отверстие в гиперпространство, превращая его в окно, способное проглотить звездолет. И корабль провалится туда и через несколько мгновений лишь сверхсветовые гравитационные волны, расходящиеся от места проникновения, расскажут, что Вселенную, нашу обычную трехмерную Вселенную в очередной раз потревожили. И что ее уже латанную-перелетанную шкуру очередной раз продырявили.

В рубке управления «Генерал Бразул» длинно, противно заревела сирена. Одновременно на мониторе перед Бахрудом Карштаном появился пульсирующий красным цветом значок – стрела, пронзающая прямую линию – командир группы патрулирования приказал начать подготовку к гиперпространственному переходу. Центральный бортовой компьютер эсминца, получив этот, закрытый двухсот пятидесяти шестеричным кодом, сигнал, ждал по своим понятиям вечность – целых две секунды. Команды отмены не последовало, и тогда он запустил циклограмму подготовки к переходу в гиперпространство. В глубине корабля повинувшись командам своего бога – центрального компьютера, замкнулись реле, из пылающего невидимым огнем ядерного чрева рывком были выдернуты стержни-замедлители и почти уже ничем не сдерживаемый поток нейтронов начал крушить все подряд попадающие под руку ядра урана, вышибая с них крохотные капельки энергии. Но эти мириады капелек, мгновенно сливаясь, выплеснули на турбину реактора гигантские мегаджоули энергии, необходимые для прожорливого нуль-континуум генератора, этого чудовища, безжалостно дырявящего пространство, словно это обычный кусок материи в руках портного.

Гигантский, в миллионы ампер ток устремился на обмотки генератора и тот, получив столь мощную поддержку, стал прессовать пространство, мять его, готовя к главному, сокрушительному – удару лучом гравитонов. Пространство дыбилося, сопротивлялось. Его невидимые силовые линии выгибались, растягивались, не желая поддаваться брутальному насилию, как бык на корриде сопротивляется ударам маленьких пик помощников матадора – бандерильеро. А ток все возрастал и возрастал и, наконец, превысил порог, достаточный для образования гравитонов. Энергия стала превращаться в другую свою ипостась – в материю, в гравитоны. Поначалу невидимый, жиденький ручеек гравитонов быстро, в несколько секунд, превратился в могучую реку, вспыхнувшую ослепительным голубым пламенем. И этот поток высокоэнер-

гетических частиц пронзил пространство – матадор нанес смертельный удар быку. Распахнувшееся окно в гиперпространство мгновенно проглотило эсминец, словно выдернув его из привычного мира.

Нагрузка на Карштана навалилась стремительно, словно выскочив из-за спинки кресла. Мгновенно обесточилась вся панель управления – эсминец пересек линию, отделяющую привычный мир от его невидимой в обычных условиях изнанки. Все, теперь эсминец будет двигаться по этой изнанке Вселенной как выпущенный из пращи камень – не в силах ни повернуть куда-либо, ни вообще что-либо изменить. Таковы законы физики гиперпространства.

«А может так случиться, что мне повезет уже в первом же бою», – сквозь разноцветные круги, стоящие перед глазами, которые нагрузка выжимала из мозга, майор Бахруд Карштан почти явственно увидел, как под его командованием «Генерал Бразул», в результате изящного маневра оказывается в корме тяжелого кроковского крейсера и с ходу вонзает в него свои кровные полмиллиона мегаватт лазерного импульса.

И, словно грезы стали превращаться в явь – разноцветные круги перед глазами слились в сплошное ярчайшее море огня взрыва кроковского звездолета. А потом мгновенно наступила темнота. Окончательная темнота. Человский звездолет далеко отклонился от расчетной точки выхода из гиперпространства. В принципе, это не являлось фатальным. Неприятным, ведущим к срыву патрулирования, но никак не фатальным. Оказавшись не там, где рассчитывалось, можно было, оглядевшись и определив свои истинные координаты, вернуться на базу, совершив обратный гиперпрыжок. Или запросить помощи, послав по дальней космической связи сообщение со своими координатами. Но... но межгалактические координаты точки выхода из гиперпространства эсминца «Генерал Бразул» с точностью до миллионных долей процента совпали с координатами звезды класса «Красный гигант», числящейся в Человском «Едином каталоге звезд» под длинным шестнадцатеричным буквенноцифровым номером, точнее, с центром этой звезды. Чудовищное давление в миллионные доли секунды смяло, спрессовало скорлупу корпуса эсминца, испарило и разложило на атомы, тут же задействованные в ядерном цикле звезды: вещество – световое излучение. И лишь на мгновение на тысячные доли процента изменившаяся яркость звезды стала последним «прощай» шестерых челов. Они погибли мгновенно, в миллионные доли секунды. Боли командир и весь экипаж эсминца не почувствовали – электрический сигнал по нервным окончаниям в Человеском теле распространяется в тысячи раз меньшей скоростью, чем они умирали.

За тысячи миллиардов километров отсюда и за десятки лет до этого один человек написал, как вычеканил: «Хочешь рассмешить Бога, поделись с Ним своими планами»...

Маршал Нарахад Бран сидел в своем кабинете и задумчиво смотрел на стену по правую от себя сторону. Точнее не на стену, а на большую панель монитора, на которой ежесекундно обновлялась информация о всех звездолетах Военно-Космических Сил Союза Свободных Цивилизаций: в какой звездной системе находится тот или иной крейсер, эсминец или корвет, с каким заданием он там находится и сколько времени должно продлиться его задание. Внешне все выглядело спокойно – сотни наименований звездолетов, десятки названий звездных систем. Но это только внешне. На самом деле внутри этих названий скрывалась большая проблема. Командующий Военно-Космическими силами челов, каждой клеточкой своего тела, каждым миллиметром своей лысой, как бильярдный шар головой чувствовал, что проблема большая и что дело тут не в участвовавших сбоях систем управления звездолетов, а в нечто ином. За последний месяц пять выходов звездолетов из гиперпространства в нерасчетных точках. Пять! Если раньше за год набегало два-три таких случая. Но даже не увеличившееся число таких случаев пугало маршала. Если бы дело было только в сбоях систем управления звездолетов! Проблема бы решилась в неделю. Комплексная проверка всех кораблей компетентной комиссией с ним во главе, выявление виновных, смещение одних и отдача под трибунал других

и все, статистика тут же стала бы привычной – два-три случая в год. Пугало то, что лучшие специалисты не могли найти ни единой неисправности в системах управления звездолетов, которых поистине занесло черте куда. Все четыре системы управления были, что называется, разобраны до винтика. Компьютеры звездолетов подвергнуты многочасовому тестированию. И ничего! Ни единого отклонения. Словно насмехаясь над создавшими их людьми, электронные мозги, заглатывая и пережевывая сложнейшие тестовые задания, отрывали десятками колонками цифр. И все цифры до единой были правильными. Правильными, а звездолеты сбивались со своих маршрутов. Четыре таких сбоя обошлись благополучно. Экипажи, определив свое истинное положение, рассчитывали параметры обратного перехода через гиперпространство к себе на базу и, получив добро, благополучно возвращались. На пятом сбое везти перестало. Эсминец «Генерал Бразул», который отправлялся на патрулирование в пятнадцатый сектор государства, там не оказался. Никакого сообщения от него не поступило, и сам он на базу не вернулся. Соответствующие звенья системы командования Военно-Космическими силами объявили первый уровень опасности – самый низший. Но это Брана не успокаивало. За свою долгую военную карьеру он не раз сталкивался с тем, что поначалу казавшиеся незначительными происшествия очень быстро перерастали в большие проблемы.

«Что могло случиться? – уже в который раз третий космический волк спрашивал сам себя и не находил ответа. – Сбой системы управления отпадает. Мы ничего не обнаружили. Или там такая неисправность, что мы пока не в силах ее обнаружить? А какая тогда эта может быть неисправность, если проверялись даже время элементарных квантовых переходов в процессе вычислений?! Основа основ работы квантового компьютера. И все нормально. Значит дело не в системах управления. А в чем? В самом гиперпространстве? Бред...»

– Господин маршал, – на мониторе, стоящего на рабочем столе командующего Военно-Космическими силами возникло лицо адъютанта, – появилась новая информация из Центра наблюдений.

– Давай, – Нарахад Бран хмуро глянул на своего подчиненного своими светло-серыми, как густой морочный туман над болотом, глазами.

Было видно на мониторе, как человек по ту сторону экрана буквально съежился и торопливо заговорил:

– В секторе пятьдесят семь МВ зафиксировано непонятное изменение яркости звезды... – адъютант быстро и четко назвал шестнадцать цифр и букв, обозначающих звезду. Параметры изменений яркости следующие...

– К черту подробности! – рыкнул маршал, – что говорят специалисты?

Адъютант на мгновение запнулся, скользнул глазами по тексту, отыскивая нужное место:

– ... изменение яркости звезды может быть вызвано попаданием в нее тела массой порядка пятисот тире семисот тонн, что соответствует массе исчезнувшего эсминца «Генерал Бразул».

– Быстро высвети мне ситуационную картину! – мгновенно последовала следующая команда.

Секундное промедление и на огромном, во всю стену экране монитора картинка поменялась. Теперь, вместо стройных колонок с названиями звездолетов на хозяина кабинета смотрел черный провал Космоса, точнее, грубая его имитация – на черном фоне вспыхнуло два десятка ярких точек, символизирующих звездную систему, куда должен был прибыть пропавший эсминец. Яркой зеленой точкой было обозначено точное место выхода корабля из гиперпространства. Левее и выше по экрану, обведенная красным кружком, светила точка, изображающая звезду, у которой было замечено ничем не объяснимое мимолетное изменение яркости. От зеленой точки к красному кружку протянулась белая линия, соединившая их. И тот час же ниже ее вспыхнуло число – расстояние между расчетной точкой выхода из гиперпространства и звездой.

– Три года, пятнадцать дней, восемь часов... – прошептал командующий.
Это было рекордное отклонение за почти пятьдесят лет.

«Большими были отклонения на заре гиперпространственных переходов. Но тогда и свойства этого другого мира еще не были изучены так досконально, как сейчас, да и компьютеры тогда были намного слабее нынешних...», – чел буквально физически ощутил, как непонятная, а поэтому еще более грозная опасность глянула на него с черного экрана монитора.

– Сарсара! – громко выругался маршал.

Высокий, массивный человек с лысой, как бильярдный шар головой, хищным, хрящева-тым носом еще долго смотрел прямо перед собой. В его глазах, прикрытых сверху густыми седыми бровями, застыло выражение холодной решимости. С такими глазами лейтенант, капитан, майор, полковник, генерал, а потом и маршал смотрел на экраны мониторов эсминцев и крейсеров, на которых в огненных шарах взрывов разваливались кроковские звездолеты. Вот только новый враг маршала еще был неизвестен. И может поэтому, стоящий в его светлосерых глазах морочный туман сгустился больше обычного, словно пытаясь из себя соткать те химеры, которые начали уничтожать челов. А то, что сейчас ему противостояло что-то химерное, никогда ранее не встречающееся, главнокомандующий Военно-Космическими силами Союза Свободных Цивилизаций маршал Нарахад Бран не сомневался. Поморщившись, будто ему предстояло выполнить что-то неприятное, он нажал небольшую синюю кнопку на столе – включение прямой связи с Президентом Картаром Вараштаном.

Глава 3

– Рота! Подъем!! – сладкий сон уставшего, честно отбарабанившего день человека разрывается криком-воплем дежурного по роте сержанта Барсукова.

Мгновенно отбрасывается полторы сотен одеял и три сотни ног натягивают на себя брюки и тут же вдеваются в ботинки. Три сотни рук натягивают на тело камуфляжные куртки. И вот уже сто пятьдесят крепких парней бегут в оружейную комнату и, схватив свое оружие, выбегают на плац.

«Отлично, на минуту быстрее норматива», – Кедров удовлетворенно хмыкнул и опустил руку с часами.

– Рота! На полигон бегом марш! Тяжелый топот трех сотен ног нарушил тишину ночи. Ночные стрельбы – высший пилотаж огневой подготовки. Одно дело стрелять, отлично видя мишень и совсем другое смотреть на него через прицел ночного видения, где вместо мушки светящаяся точка – марка.

Полигон ночью это совсем не то, что днем. Зеленый, приветливо машущий ветками деревьев лес днем, ночью казался огромной мрачной глыбой, застывшей под яркими звездами и большим, с тарелку, желтым диском луны. И в этом слабом свете изрытая земля сама смотрелась лунным пейзажем – мрачным и неприветливым. Казалось еще чуть и из-за огромной мрачной глыбы, темнеющей на месте леса, выпрыгнет какой-то ужасный монстр, маленькими злобными красными глазками, с огромными острыми клыками и когтями, покрытый густой шерстью, со смрадным дыханием.

И монстр выпрыгнул, еще ужасней, чем нарисовало воображение. Сто пятьдесят вооруженных до зубов спецназовцев словно вынырнули из-под земли. И тут же в неверном лунном свете появились мишени, по специальным рельсам быстродвигающиеся навстречу роте – классический встречный ночной бой. Тут же раздалась команды:

- Рота, рассредоточиться. Интервал два метра. Второй взвод – огонь!
- Первый взвод налево, за мной.
- Второй взвод – огонь!
- Третий взвод направо, за мной.

«Монстр» тут же показал свои клыки и когти, а вместо глаз у него были десятки прицелов ночного видения. Осветительные ракеты вспороли темноту ночи, помогая Луне. Стежки трассеров вышивали ночное небо рисунком боя. Вновь тяжело заухали гранатометы и с шипением в цель ушли противотанковые ракеты, выпущенные с «Метисов». В ночном бою самое главное знать, где противник, не проворонить его какой-нибудь обходной маневр, в результате которого неожиданно в тебя ударит разящий свинец с флангов или еще хуже – с тыла. Поэтому – не жалеть осветительных ракет, во все стороны – боевые дозоры. И молотить, молотить и молотить по врагу. Словом, е...ть и фамилии не спрашивать!

... А тогда Андрея тоже окружала темнота. Да, Бог оказался непревзойденным режиссером. Опушенный для Андрея занавес около Матей, оказалось, отнюдь не означал окончания пьесы. Это всего лишь было окончание очередного акта. Пьеса продолжалась! Только поменялись декорации. Существенно поменялись. И новой главной и единственной декорацией явилась темнота. Только не такая, как сейчас, красиво расчерченная трассерами, подсвеченная подвешенными люстрами осветительных ракет, большой люстрой Луны и где-то спрятавшимися на задворках звездами. Нет, темнота вокруг десантного бота была абсолютной. Абсолютная темнота и пульсирующая красная предупреждающая точка на внутренней стороне щитка шлема – кислорода осталось на десять минут.

«Господи, если Ты только для того, чтобы я еще с недельку помучился и, в конце концов, задохнулся, не убил меня сразу, а перебросил на сотни тысяч световых лет черте куда, то я... то я просто в восторге от Тебя. Не полениться и проделать такую трудоемкую работу ради моей скромной персоны. Эх, жаль только, что так и не узнаю, что случилось с Матеей, со всеми фролами, с Эльдирой, с моим еще не рожденным ребенком... А может и лучше, что не узнаю? Что крокам мешает изготовить еще одну такую бомбу и, в конце концов, добить слабую цивилизацию? – Андрей даже застонал и затряс головой, отгоняя страшное видение – проваливающаяся в гиперпространственную бездну Матей. Красивая, зелено-голубая планета населенная десятью миллиардами людей. Бр-р-р, только не это. – И где в это время будет Эльдира, а значит и мой ребенок? Если на планете, то все... лучше не думать. А если на звездолете? Тогда у нее появляется шанс. Даже большой шанс. Я думаю, человеческий генерал найдет место для своей подружки у себя на родине», – закупоренный в своем десантном боте, лучше, чем в любой, самой надежнейшей тюрьме, мужчина застонал. Обыкновенная эгоистичная мысль, выплеснутая из глубин подсознания, словно черная смрадная жижа из гнилого болота, заполнила собой весь мозг. Он через несколько минут погибнет, задохнется в страшных конвульсиях и даже труп его, очевидно, никогда не обретет покой, а будет бесконечно находиться тут, где нет света, где вечно царит тьма и ты ничего не значишь, так как даже веса у тебя тоже нет. А они, Эльдира и Виргул будут наслаждаться жизнью, наслаждаться друг другом и невесомость для них будет высшей точкой блаженства, пиком обладания друг другом.

Еще несколько минут Андрей, морщась словно от боли, закрыв глаза, сидел, откинувшись в удобном пилотском кресле. Медленно, нехотя эта смрадная липкая жижа стала уходить из мозга.

«Зато будет жить и мой ребенок. А значит, я не бесследно сгину из этого мира, я оставляю в нем свою частичку. А это перевешивает все. Пусть же Эльдира живет, долго живет. Ведь мальчика, – Андрей почему-то твердо был уверен, что у его жены родиться мальчик, – надо не только родить, но и воспитать. Правильно воспитать, настоящим мужчиной».

Черные, дурно пахнущие мысли уходили, уступая место радостным и светлым.

«И мой мальчик будет похож на меня. Обязательно будет похожим. По-другому и быть не может. Ведь существует же в этом мире высшая справедливость. Должна существовать! И на весах этой высшей справедливости неужели ничего не значат спасенные им десять миллиардов жизней, пусть не землян, но тоже людей. Хороших людей, верящих в Бога, своего Бога, Вели-

кого Мортон. И какая разница, как они его называют. Бог то, в сущности, один. Потому что создание такого сбалансированного, надежного, способного существовать миллиарды и миллиарды лет и, в общем-то, гармоничного мира возможно, если его проектирование и создание осуществлялось из единого Центра. Субподрядчики, в виде ангелов, архангелов и прочих мессий и пророков не в счет. Это рабочие, нанятые и жестко контролирующиеся этим Центром, и не имеющие возможности даже на йоту отступить от выданного им Плана, Плана, разработанного Центром. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – это, по моему, первые слова Нового Завета. И этот Бог, видящий все наперед, должен был сделать так, чтобы зачатый им ребенок был похож на него. Ибо Бог ведь уже знал, что через несколько дней, он ринется на своем десантном боте на разверзшееся гиперокно, закрывая собой целый мир, своеобразный, неповторимый мир фролов».

Черные мысли рассеивались, как рассеивается ночь, уступая место дню, по мере того как над миром восходит яркое светило...

И даже резкий звук зуммера не смог нарушить охвативший Андрея Кедрова покой. Он даже не открыл глаза, лишь чуть вздрогнул от неожиданности. Впрочем, почему от неожиданности? Он что не знал, что вот-вот закончится кислород? Но так уж устроен человек, что даже осужденный на казнь, зная, что вот-вот откроется стальная дверь камеры и его поведут к тихо качающейся петле на виселице, обязательно вздрогнет, услышав скрежещущий звук открываемого замка. Человек инстинктивно, до самого конца еще на что-то надеется. А вот на петлю смотреть совсем не обязательно. Поэтому пилот десантного бота и не открыл глаза. Зачем открывать, и так ясно, что увидит – уже не пульсирующую, а неподвижно светящуюся на внутренней стороне щитка шлема красную точку – кислород закончился. Так зачем же тратить последние драгоценные мгновения своей жизни на эту ерунду? Лучше вот так лежать и думать о таком приятном, прекрасном – у него будет сын, наследник, его частичка в этом мире. А перед глазами все ярче и ярче будет разгораться восходящее светило...

Легкий толчок Андрей поначалу воспринял также как и звук зуммера, пытавшегося нарушить его внутренний покой – недовольно. И лишь через несколько мгновений мозг, засыпающий от недостатка кислорода, сумел найти в себе силы и замкнуть у себя нужные логические цепочки.

«Какой к черту может быть толчок в этом мире, где ничего нет, даже света? Для толчка надо минимум два тела. Может, заработала двигательная установка? – нехотя, широко разевая рот, словно выброшенная на берег и засыпающая рыба, землянин открыл глаза. Все тот же приглушенный зеленый свет приборов и контрольных ламп на панели управления – двигательная установка мирно спала и не думала просыпаться. Все та же чернота на внешних экранах обзо...

«Стоп!» – мгновенно подхлестнутый, словно наркотиком дозой адреналина, выброшенной в кровь, мозг, уже почти лишенный кислорода, все же сумел проанализировать увиденное.

Вместо привычной черноты на экранах клубился какой-то густой белесый туман. И где-то такое он уже видел...

Действие адреналина быстро заканчивалось. Человеческий организм исчерпал уже все резервы и быстро проваливался в небытие...

...Сильный туман на утренней зорьке, почти полностью скрывающий реку. Он и другие пацаны, мчащиеся на великах на рыбалку. Самодельные удочки привязаны к раме, на багажнике, в полиэтиленовом пакете закрыха – буханка хлеба и макуха. Быстрая подготовка и вот уже в речку летят пакеты с закрыхой и камнями для веса. На воде закачались поплавки – ловись рыбка большая и маленькая. И вновь тишина, нарушенная подготовкой к рыбалке, повисла вместе с туманом над неглубокой и неширокой речушкой. Видно у предков, назвавших ее Битюгом, было хорошее чувство юмора.

Поплавок вздрагивает и тут же уходит под воду. Резкий, отработанный рывок рукой и тут же чувствуешь приятное сопротивление – на крючок сел карась или даже лещ. Еще, только

уже плавный рывок удочкой и спружинивший ее конец рывком выбрасывает из воды серебристую рыбину. Карась. Грамм шестьсот! На берегу осторожно вытаскиваешь изо рта рыбы крючок. Она таращится на тебя бессмысленными круглыми глазами, ее рот открыт трубочкой. В широкой щели между туловищем и головой видна темно-красная полоска жабр, тщетно пытающихся из незнакомой для себя среды добыть вожаемый воздух. А его много, целый океан воздуха вокруг. Вот только рыба воспользоваться им не может. Не приспособлены ее жабры для этого. Умелое движение и ветка пронзает жабры и выходит через рот. Все рыба поймана и надежно привязана. Теперь можно вместе с веткой и опустить ее в воду – не уйдет. А поплавок уже вновь чуть качается на тихой воде. Под ним, замаскированный новым червяком, ожидают очередную свою жертву крючок. А туман все стоит над рекой...

И он, как тот пойманный карась обречен... Некуда уйти из этого бота и нечем дышать. А может его, как того глупого карася окружает океан воздуха, вот только извлечь его он не может... Не хватает знаний. Он не могущественный мнем...

«Вспомнил... – очищенная от всяких эмоций, как дистиллированная вода, полученная из продуктов жизнедеятельности человека, вяло мысль проползла по извилинам мозга, – ... такой туман он видел на экранах внешнего обзора в человеческом крейсере... в районе Эльдурея, и в нем, словно в киселе завязли атакующие их кроковские звездолеты...

– Лю... – вместо звука из легких не вырвалось даже хрипа, воздух в них полностью закончился.

Перед глазами вспыхнули яркие звезды, которые тут же закрутились в бешеном хороде, быстро вытягиваясь в какой-то фантастический сияющий смерч. Смерч неожиданно изогнулся, закачался, словно ветка дерева под сильным ветром, и Андрей увидел центр смерча – темный круглый провал. И из этого провала до него донесся голос матери:

– Сынок!

... Черное небо прочертила зеленая ракета – конец занятия по ночным стрельбам. Возбужденные, еще мысленно совмещающую марку прицела ночного видения с мишенью, еще помнящие приятную упругость нажимаемого спускового курка, спецназовцы быстро выстроились в колонну по четыре.

– Рота! В казармы, бегом ма-а-арш! – и полторы сотни человек, глухо стуча подошвами берца, устремляется к теплу и мягкости покинутых постелей.

Все, вот теперь можно сказать, что очередной день тридцать седьмой роты сто семьдесят третьего отдельного отряда специального назначения ГРУ и ее командира майора Андрея Кедрова закончился. Теперь можно расслабить тело, вытянувшись на кровати, закрыть глаза и с наслаждением чувствовать как дневное напряжение с легкой, приятной ноющей болью уходит из мышц. Теперь только покой, покой, покой...

... Сознание вернулось вместе с раздирающей болью в позвоночнике. Потом в глаза брызнул свет. И сразу же перекрывающее все: «Жив!» Непонятно почему, непонятно откуда взялся свет, но это всё сейчас второстепенное. Главное, что он жив! Подавив в себе какой-то детский страх, а вдруг он откроет глаза и все это исчезнет, Андрей Кедров поднял веки. Неяркий, струящийся сразу отовсюду, свет. И на фоне этого света, словно окруженный светящимся ореолом, стоял Лю. Стоял и смотрел на него.

– Лю, – прошептал-прохрипел землянин.

Теперь он мог это сделать, его легкие как по волшебству, вновь были наполнены живительным воздухом, и засмеялся.

Он жив и он встретил друга, хорошего друга, лучшего, с кем он делил кабину рудодобывающего комбайна на Гамеде, с кем он с оружием в руках, убивая кроков, пробивался на

свободу. С кем он летел к челам и с кем он стоял в рубке управления человеческого крейсера и слышал, произнесенный с ненавистью приказ человеческого маршала: «Выкиньте их за борт!»

Нет, Бог логичен и адекватен. Протащив его волоком по гиперпространству сотни тысяч, а то и миллионы световых лет, почти уже задохнувшегося, Он не стал его добивать, продержав в таком состоянии еще несколько секунд, а прислал к нему Лю. «Как в сказке. Закрыл-открыл глаза, хоп, а перед тобой добрый принц, только не сказочный, а мнемонический... мнемный... тьфу и не скажешь по-русски!» – и счастливый Андрей вновь рассмеялся. Какая же это приятная штука – жизнь!

– Пришел в себя? Вот и отлично, а теперь просто поспи. А мы в это время героя чуток подлатаем. Шутка ли, почти десять миллионов световых лет за один переход, да еще на обычном десантном боте. Андрей, ты просто молодец!

А просто молодец уже не слышал этих слов, стремительно проваливаясь куда-то вниз. Только перед глазами уже не стоял этой фантастический слепящий смерч, и его уже больше не звала мама.

Глава 4

«Так проходит земная слава. Совсем еще недавно ты распоряжался судьбами тысяч людей, мог послать их на смерть и вознести на вершину почета, ты мог карать и миловать, а сейчас... а сейчас ты низведен до самого ничтожного существа, даже хуже, сейчас ты объявлен предателем своей страны. А хуже предательства нет ничего на свете. Предатель – это недочеловек. Ведь он решился помогать левосторонникам! Какой поступок может быть более отвратителен? Ты можешь предать друга, жену, отца, мать, ты можешь, в конце концов убить их! Тебя за это осудят, даже будут презирать. Но все же какие-то, может быть самые хилые, не снимающие с тебя вину оправдания найдутся. Друга предал ради карьеры, жена изменила, отец и мать тебя не понимали, не так любили, как твоего младшего (старшего) брата или сестру, несправедливо написали завещание. Но помогать левосторонникам! Да так поступить может только выродок, человек, нет, недочеловек, у которого что-то не в порядке, точнее, совсем не в порядке в основе основ, в клетке организма, в ее ДНК. И такой мутант заслуживает только одного – уничтожения», – О'Локки Сарб даже застонал от этих мыслей.

– Нет!! Я не предатель! Слышите! Я не предатель!! – человеческий отчаянный вопль бессильно отразился от массивной стальной двери тюремной камеры и заметался по маленькому помещению, быстро слабей.

Да и сам человек, исторгнувший этот вопль, тяжело, по-старчески опустился на койку.

Бывший директор Службы Государственной безопасности, бывший бригадный генерал... Везде бывший... Нет, не везде. Будущий узник рудников Гамеда. За предательство предусмотрено только одно наказание – рудники Гамеда, пожизненно.

«Я проиграл, проиграл Харку, – Сарб, сидя на койке, смотрел себе под ноги, – хотя ему просто везло. Ведь я обманул челов и заставил их перегруппировать свои космические силы в районе Эльдурея, как мне, нет, нам, крокам было выгодно. И только вмешательство этих чертовых мнемов спасло тогда челов. Но это предусмотреть было невозможно. Это все равно, что угадать желания самого Всемогущего Картана. И это под моим руководством этот сумасшедший Мулл разработал «Молот», способный вбросить в гиперпространство любую планету. Кто же мог предвидеть, что этот сумасшедший такое сотворит и отправить в гипер планету, на которой находился сам, да еще вместе с Президентом Норком? И даже тогда у меня еще был шанс. Ведь еще один, последний экземпляр «Молота» находился в моих руках. Отправь я в гипер планету фролов, эту чертову Матею и Харк бы не посмел бы меня арестовать. Национальных героев не арестовывают. Их награждают и прославляют. И если убивают, то

скрытно, инсценируя несчастный случай. А потом с почестями хоронят. Но я даже этого не заслужу, ведь Матею я так и не грохнул», – Сарб снова застонал.

Ему отчетливо представилась «картинка» двухгодичной давности – на экране монитора красивая бело-голубая планета, а перед ней в каких-то смешных нескольких сотнях километрах огромное, превосходящее по размерам саму планету, черное пятно. И с каждым мгновением планета приближается к этому пятну. Еще несколько секунд и все, Матея пересечет невидимую черту, за которой ее и всех фролов ожидает небытие. Неумолимые законы мироздания швырнут планету с населяющими ее десятью миллиардами людей за сотни тысяч, миллионы световых лет от ее звезды и снова вбросят в этот мир. Только теперь этот мир для фролов будет без света и тепла. Звезды, по сути, довольно редкая вещь во Вселенной. Это все равно, что крупинки золота в тоннах руды, весьма бедной на золото руды. И чтобы Матея оказалась около звезды, да еще подходящей по своим параметрам для поддержания жизни на приблудившейся к ней планете, это шанс даже не один на миллион, и даже не один на миллиард. Поэтому фролы, точнее те, кто остался в живых, были бы обречены. Тем, кто погиб, не выдержав чудовищных перегрузок, сопровождающих гиперпространственный переход, кого завалило в мгновенно рухнувших под этими перегрузками домах, кто разбился в рухнувших вниз в десятки раз потяжелевших флайерах повезло бы больше. Они бы медленно не замерзали на остывающей почти до абсолютного нуля планете и не погибали бы в схватках со своими друзьями, близкими и просто другими гражданами за источники тепла, позволяющие прожить еще день, неделю, месяц.

Оставалось каких-то несколько секунд. Какая-то точка возникла у нижнего края монитора и быстро, быстрее несущейся за ее спиной Матеи, стала приближаться к черному пятну – окну в гиперпространство.

– Что за черт! – крикнул он тогда.

Бортовой компьютер выстрелил характеристиками этой наглой точки.

– Десантный бот. Какому-то фролу не терпится умереть вместе со своей планетой, – он даже начал смеяться и тут же подавился своим смехом.

Тогда еще директор Службы Государственной безопасности понял замысел неизвестного фрола.

– Нет!! – бессильно заорал он, моля Всемогущего Катрана, чтобы у того фрола ничего не получилось.

Аппаратура звездолета, на котором находился Сарб, уловила кодированные сообщения, которые отправлял и получал этот десантный бот. А через секунду все было кончено – в десантный бот, будто распятого на гигантском гиперокне, ударил лазерный луч одного из человеческих звездолетов. И все, страшная пасть гиперпространства захлопнулась, проглатывая свою жертву. Но разве о такой жертве мечтал Сарб? Десантный бот вместо целой планеты! Один фрол вместо десяти миллиардов? А еще одного «Молота» у него больше не было и не будет – Мулл, точнее его останки находились за миллионы световых лет от любой планеты кроков. Это был конец.

Сгорая Сарб хотел броситься на кружившие вокруг Матеи человеческие и фроловские звездолеты, и, как подобает представителю древнего аристократического кроковского рода Сарбов, погибнуть в бою. Но не бросился. Нет, О'Локки Сарб трусом не был. Его остановила простая мысль. Вместе с ним ведь погибнут и сотни других кроков. А зачем? Ради того, чтобы он избежал позора, который наверняка ожидает его на Арикдне?

«Проиграл ты и значит только ты должен отвечать за это, а не подчиненные тебе люди», – бригадный генерал Сарб отдал приказ возвращаться к Арикдне.

Еще один удар пока еще директора Службы Государственной безопасности ожидал на Арикдне, через четыре дня после прибытия. Соответствующие службы его ведомства сумели

расшифровать переговоры, которые вел герой-фрол, вместо планеты подставивший себя под всесокрушающий удар «Молота».

– Рахад! – раздалось в кабинете О'Локки Сарба, – через пятнадцать секунд бей по мне! Знакомый голос словно ударил по барабанным перепонкам.

– Понял.

Сарб невольно взглянул на часы, словно это все происходило сейчас и он может этому помешать.

– Десять секунд! – чей-то знакомый голос неумолимо вел отсчет.

– Девять, восемь, – бригадный генерал и сам не заметил как начал шепотом вести обратный отсчет.

«Так кто же сидел в том десантном боте?», – а пересохшие губы считали:

– Шесть, пять...

И тут он вспомнил. Нет, он начал вспоминать, но подсказка все же пришла раньше.

– Андрей!! – в кабинете раздался женский отчаянный вопль. – У нас будет ребенок!!

«Андрей?! Так это тот чел, которого его люди притащили черте откуда, с глухого уголка Вселенной, с отсталой-преотсталой планеты? Тот чел, с помощью которого он пытался и обманул таки руководство Союза Свободных Цивилизаций? Тот чел, которого он спас, уничтожив бот с храбрым кроком, полковником О'Троппи Варком...», – Сарб бессильно откинулся на спинку кресла.

Казалось, сама Судьба презрительно, надменно расхохоталась ему прямо в лицо.

А через месяц после победы на президентских выборах О'Санни Харка его арестовали. Теперь его обвиняли точно в том же, в чем он пытался обвинить нынешнего Президента – в предательстве. И доказательством этого все та же запись, сделанная в доме Харка. Одна из записей, где он, сидя рядом с хозяином дома, произносил страшные слова: «В этом плане содержится исчерпывающая информация о дате начала операции, силах, привлеченных для ее выполнения, направлениях удара и маневрах каждого боевого звездолета».

То, что буквально перед этими словами нынешний Президент говорил: «С помощью чела Андрея Кедрова передаем план операции по освобождению Эльдурея командованию челов», ничего в судьбе Сарба не меняло. Ему вменялось в вину то, что пользуясь своим служебным положением, он обманул будущего Президента, чтобы используя его оппозиционность по отношению к бывшему Президенту Норку, убедить челов в правдивости информации, которая и на самом деле была правдивой.

На вопрос Сарба зачем это было ему нужно, где в этом здравый смысл, ведь он не баллотировался в Президенты и ему совсем не надо было уменьшение рейтинга Норка, которое неизбежно последовало бы в случае неудачи около Эльдурея, следователь чеканил бронебойное:

– Предательство в пользу челов, этих презренных левосторонников, обычной логикой не объяснишь. Это патология, своего рода душевная болезнь. А какой у душевнобольных может быть здравый смысл?

Правда эта своеобразная душевная болезнь не освобождала от наказания. Это не говорилось, но подразумевалось.

Бывший директор Службы Государственной безопасности скрежетал зубами, но с этим неуничтожаемым доводом поделаться ничего не мог.

«Меня от рудников Гамеда спасти может только чудо, – измотанный неприятными воспоминаниями и мыслями, Сарб растянулся на койке. – Всемогуший Картан по каким-то, одному Ему известным причинам каждый раз, буквально в шаге от моей победы обращал ее в мое поражение. В результате чего я здесь. Поэтому, если Ему будет угодно, Он может совершить и чудо», – мужчина заворочался на койке.

Обида за такую несправедливость к нему, буквально захлестывала человека, бывшего одним из самых влиятельнейших лиц государства. Ведь он ничего недостойного для крока не совершал. Всю свою сознательную жизнь он только боролся за процветания своей страны, автоматически означавшее ослабление ее врагов – челов и фролов.

«Так что же получается, для Тебя, о Всемогущий Картан, это не главное? И даже не то, что не главное, а совсем незначительное, раз какие-то мои грехи смогли перевесить главное – беззаветное служение Родине. Какие у меня грехи? Обычные, как у простого смертного. Имел не одну женщину в своей жизни и даже не две, и не три. Ну и что? Не насиловал же их. Все было по взаимному согласию. Да и с женской стороны этого самого согласия, как правило, всегда было значительно больше, чем с моей стороны. И даже если это грех, разве его можно сравнить со служением, с эффективным служением на благо Родины? Крал? Нет! Ни единого левра я незаконно не положил в свой карман. Ни единого. Построил виллу в престижном уголке Арикдны? Так за свои. Участок выделили за смехотворную цену? Все по закону, как государственному служащему высшего ранга. Убивал? Да! Врагов государства, врагов моего Содружества Свободных Планет. Убивал в молодости своими руками, сидя в рубках боевых звездолетов, убивал, приказывая это делать другим. Так разве это грех? Грех убить ни в чем не повинного крока или какую-нибудь зверюшку, но не чела или фрола. Какой это грех, если они не такие как мы, совсем не такие, в своей основе не такие? Никакого греха в этом нет. Так за что ты меня так страшно наказываешь, Всемогущий Картан? – Сарб с шумом повернулся на койке на левый бок. – Может за то, что я свысока относился ко многим людям? Но не к Тебе же! Да и разве можно относиться как к равному, к человеку, пусть и кроку, который не понимает элементарных вещей, который, прежде всего, стремится к личной выгоде, даже в ущерб государственным интересам? Которому значительно важнее, что у него находится в его холодильнике, а не то, сколько и каких звездолетов находится на наших базах? Это же просто навоз, просто пушечное мясо, которым надо управлять и которым можно и нужно жертвовать ради процветания любимой страны. Или я не прав, Всемогущий Картан? Значит не прав, – мужчина, не находя себе места, повернулся на другой бок. – А если не прав, наказывай, ссылай на Гамед, что хочешь со мной делай, Твое право», – и уже не молодому мужчине стало так обидно за себя, за свои идеалы и стремления, которые, как оказалось, равным счетом ничего не значат на весах Всемогущего Картана, на весах Бога, что он попросту заплакал. Он плакал, как плачет сильный, но загнанный в угол мужчина: молча, со скупыми слезами на глазах.

Погруженный в свои переживания, Сарб не услышал, как тихо, почти беззвучно, щелкнул электронный замок, и стальная дверь камеры распахнулась.

– Здравствуй, Локки.

Мужчина рывком сел на койке.

– Весса, ты?

– Я.

– А ведь ты предала меня, – после паузы, тихо проговорил мужчина. – Это ты прокрутила по телевидению запись, спасающую Харка... Жаль, что это я поздно понял. А я ведь для тебя столько сделал...

– Локки, ты же знаешь, что в бывшей твоей службе благодарность была редкой гостьей.

– Ты права и, несмотря ни на что, я восхищаюсь тобой. Так все точно просчитать и решиться на такой риск – поставить на другого и начать играть против меня. Bravo, «Блестящая».

– Хоть это и лестно слышать такую оценку о себе из уст человека, который столько лет руководил Службой Государственной безопасности, но вынуждена признать, расчет тут не причем.

– А что же? Интуиция?

– Любовь.

Сарб хрипло, с каким-то надрывом рассмеялся.

– Весса, ты смогла полюбить?! Разве компьютер может любить?

– Получается, что может.

– Тогда, я рад за себя, – мужчина о чем-то задумался. – Значит, когда там, на конспиративной квартире ты отдалась мне не того, что я был директором Службы Государственной безопасности и мог помочь твоей карьере и бизнесу, а чтобы спасти любимого человека?

– Да, Локки, – просто ответила женщина.

– Мне стыдно за себя, – после паузы произнес Сарб, – я занимал такой пост и не смог до конца понять одного из лучших своих агентов.

– Лучшего, Локки, лучшего! Поэтому и не смог, – А'Весса Лам весело рассмеялась.

– Зачем ты пришла, посмеяться надо мной? Или пригласить на твою свадьбу с Харком?

– Нет, Локки. Все намного прозаичней. Я пришла, чтобы использовать твой ум в решении одной очень серьезной проблеме.

– У тебя могут быть проблемы, которые ты не можешь сама решить? – Сарб нашел в себе силы придать голосу ироничный оттенок.

– Проблема не моя, точнее не только моя. Это проблема всех, всех кроков. У нас стали пропадать звездолеты.

– Так... Как это пропадать?

– В течение месяца два звездолета, эсминец и крейсер, уйдя в гиперпространство не появились в расчетной точке. Точнее, они нигде не появились. А еще семь звездолетов существенно отклонились от своей расчетной точки выхода.

– И какие на этот счет имеются соображения? – после паузы спросил мужчина.

– Когда пропал крейсер, в пяти световых годах от его расчетной точки выхода, у одной из звезд было зафиксировано кратковременное увеличение яркости.

– Постой... ты хочешь сказать, что звездолет вышел из гипера прямо в звезде?

– Это наиболее правдоподобное объяснение случившемуся – пропажа без вести корабля и одновременное кратковременное увеличение яркости звезды, словно в нее вбросили небольшую массу.

Сарб замер, обдумывая случившееся. Знакомое чувство азарта, охватывающее его, когда перед ним возникала сложная проблема, стегнуло по сердцу, посылая его в галоп, зубы впились в нижнюю губу. И вместе с этим азартом по телу, еще более обжигающе, разлилось: «Спасен! Рудники Гамеда отменяются!». И эти два чувства, слившись воедино, взорвались в голове красочным, праздничным фейерверком. И бывший директор Службы Государственной безопасности, бывший бригадный генерал О'Локки Сарб впервые за долгие годы громко расхохотался. Он хохотал так, как хохотал на какой-нибудь пирушке, будучи курсантом Высшей Военно-Космической академии, не обремененный еще высокими званиями, высокими должностями и еще более высокими обязанностями, которые заставляли постоянно просчитывать каждое слово, каждый жест, каждую эмоцию. А теперь у него тоже не было ни званий, ни должностей, ни обязанностей. А было чувство спасения от смертельной угрозы. И чушь, что с годами жизнь становится менее привлекательной, чем в молодости. У неудачников, не сумевших добиться ничего стоящего в жизни, может это и так. Но у человека, который познал пьянящую любовь многих прекрасных женщин и еще более пьянящее чувство власти, большой власти, желание жить, желание и дальше наматывать на свои сильные кулаки нить жизни, с годами ничуть не уменьшается. Оно даже увеличивается. И поэтому Сарб хохотал, хохотал до слез, не обращая внимания на стоящую перед ним красивую женщину, задумчиво и, кажется, понимающе, смотрящую на него.

Глава 5

Монотонный гул двигателя и легкая вибрация фюзеляжа вертолета убаюкивали. Многие спецназовцы, откинув голову назад и подсунув под затылок берет, дремали. Психологически и физически вымуштрованные люди использовали любую возможность, чтобы расслабиться и отдохнуть. Ну и что, что максимум через час предстоит опасная операция? Целый же час впереди. Можно и вздремнуть. Глядишь, и эти лишние минуты отдыха могут спасти жизнь. Хорошо отдохнувшее тело на десятую, сотую секунды успеет раньше упасть, пропуская над головой смертельный свинец, на те же мгновения раньше нажмет спусковой крючок, опережая целящегося в тебя «чеха». Поэтому голубой берет под затылок, закрыть глаза и погрузиться в сладкую дрему.

Кедров смотрел на отдыхающих своих людей и еще, в который раз, прокручивал в голове поставленную боевую задачу.

Рота на пяти вертолетах МИ-8 должна будет посадочным способом десантироваться в десяти километрах от села Боташ, находящегося на стыке Цунтинского и Цумадинского районов Дагестана, затем скрытно выдвинуться в район села. По данным агентурной разведки в этом месте расположилась банда полевого командира Гиляра, насчитывающая около пятидесяти человек. Задача – уничтожить банду. К традиционной тактике – окружению населенного пункта, блокированию в нем боевиков с последующей огневой подготовкой и штурмом в Генеральном штабе решили не прибегать. Слишком большие получались потери среди мирного населения, о которых тут же начинали трубить западные СМИ и жужжать многочисленные международные правозащитные организации, кормящиеся на борьбе за права человека. В результате падает международный имидж России, а это мешает активному продвижению российского капитала на мировые рынки. А это, в свою очередь, недополученные миллиарды долларов и евро прибыли. Все, как всегда, в конце концов, упирается в деньги, большие деньги. Уже давно и по любому поводу следует восклицать не «*Cherchez la femme*»⁸, а «*Cherchez l'argent*»⁹. И поэтому рота майора Андрея Кедрова летела сейчас на МИ-8, а не тряслась на бэтэрах. И входить рота в село будет скрытно, а не после хорошей огневой подготовки, когда по селу работают и те же бэтэры, и «Шилки», а сверху поддают еще и «вертушки», а то и «грачи» – фронтовые штурмовики-бомбардировщики Су-25. А там уж как повезет. Зато мировая общественность будет спокойна.

В транспортном отсеке вертолета замигала белая лампа и загудела сирена – приготовиться к десантированию. Тяжелая туша МИ-8 села на небольшую поляну в лесу и спецназовцы один за другим начали быстро выпрыгивать из нее. Один, второй, третий... тридцатый. Есть высадка. Следующий вертолет. «Вертушка» быстро взмывает в небо, чтобы тут же на ее место, села следующая. Полчаса и вся рота на земле. Фу, первый этап операции прошел благополучно. Ведь сколько произошло трагедий именно при посадке. То боевики заметят вертолет и в момент посадки долбанут по нему «Иглой» или «Стрелой», то ошибка пилота в условиях плохой видимости или при посадке на малопригодную для этого площадку. Поляну, на которую высаживалась рота Кедрова, тоже было трудно назвать удобной. Могучие лопасти МИ-8 вращались в каких-то двух метрах от крупных веток деревьев. Более длинные, но и, слава Богу, более тонкие ветки были безжалостно снесены этой вращающейся со скоростью двести пятьдесят оборотов в минуту гильотиной. Словом, обошлось.

Андрей взглянул на светящийся в темноте циферблат часов – час ночи. Отлично. Десять километров пересеченной местности в полной темноте они пройдут за два часа. Еще полчаса на рекогносцировку. Итого полчетвертого утра – время самого крепкого сна у человека. «Чехи» тоже живые люди и подчиняются этой физиологической особенности.

⁸ Ищите женщину (фран.)

⁹ Ищите деньги (фран.)

«Пока живые», – поправил себя Андрей, и его рука невольно скользнула по спрятанному в ножнах «Карателю».

Разделившись на три отряда и выставив головные и боковые дозоры, рота стала приближаться к цели.

Через час под каской Андрея ожил наушник рации:

– Говорит третий. Обнаружил пост «чехов». Квадрат десять – пятнадцать.

Кедров не стал доставать карту, он знал ее наизусть. Квадрат десять-пятнадцать – это в двухстах метрах отсюда, чуть вправо.

– Третий. Ждите, – коротко приказал он.

Еще несколько коротких приказаний и две группы спецназовцев по пять человек в каждой исчезли в темноте, слева и справа, обходя квадрат десять – пятнадцать. До села оставалось каких-то два километра – какой-либо шум был недопустим. Чеченский дозор должен быть уничтожен чисто, без малейшего звука. Поэтому одну из групп возглавил сам комроты.

Вот они – «чехи» лежали за большим поваленным деревом и в очках ночного видения они смотрелись как зеленое свечение, пробивающееся поверх этого дерева. Позиции боевики выбрали грамотно – прикрывая их левый фланг шел неглубокий, но крутой обрыв, прямо перед ними простиралась, очевидно, старая вырубка – деревья здесь были более тонкими и не так часто росли. Наиболее удобно к ним можно было подобраться справа, как раз со стороны группы, которую вел Андрей Кедров.

– Третий, пятый, страхуйте. Беру их я. Разрешаю открывать огонь только в случае нашего обнаружения, – комроты махнул рукой, и спецназовцы ползком стали приближаться к поваленному дереву. Недалеко, где-то там, в темноте бойцы головного дозора и второй группы прицелились к прицелам ночного видения, готовые в любой момент поддержать огнем своих товарищей.

До поваленного дерева оставалось метров десять. Одного боевика Андрей уже видел отчетливо – зеленый силуэт, притаившийся на земле. Второго боевика скрывал густой куст, поэтому видны были только ноги.

«Только двое или еще где-то есть»? – Андрей замер, обдумывая свои дальнейшие действия.

Подползать ближе было опасно. В ночном лесу, в полной тишине хруст сломанной веточки звучал, словно пистолетный выстрел. А при малейшей опасности, даже подозрении на опасность боевики откроют огонь, в этом майор армейского спецназа не сомневался ни мгновения. Малейший шорох и на звук тут же откроется огонь. В таком деле лучше перестраховаться, это усвоили и спецназовцы и боевики.

«Надо стрелять, – принял решение Андрей, – отсюда до села два километра. Через глушители выстрелы будут слышны как хлопки, не услышат».

Условными знаками он приказал снайперу Коваленко взять на прицел хорошо видимого «чеха». Рядовой Оленин, вооруженный автоматом, взял на прицел боевика за кустом. Двум остальным спецназовцам Андрей жестами приказал атаковать чеченский дозор, как только их товарищи откроют огонь. Десять метров из положения лежа пробегаются за три секунды. Кедров надеялся, что в случае, если какой-либо из боевиков не будет сразу уничтожен, то подбегавшие спецназовцы успеют добить его до того, как он сумеет подать сигнал тревоги.

– Огонь по моей команде, – выдохнул Андрей. – Три, два, один, огонь.

Хлопок выстрела снайперской винтовки тут же был перекрыт хлопками заработавшего автомата. Тут же, слева и справа от комроты с земли взметнулись две тени и бросились вперед.

Два чечена, лежащие за деревом, были убиты сразу. Коваленко своему «чеху» попал, очевидно, в голову. У того конвульсивно только ноги дернулись. Второй боевик сумел лишь издать тихий гортанный стон и, несколько раз дернувшись, тоже замер. И тут комроты с ужасом увидел, что из-за стоящего рядом с кустом дерева показался, невидимый раньше, третий

боевик. Он, наверное, не сразу понял, что происходит, и лишь мгновения спустя судорожно стал перехватывать автомат, находящийся в его левой руке. Отдавать какие-либо приказание уже просто не было времени. Положение спас Самохин, один из спецназовцев, атаковавший чеченский дозор. На бегу, метров с пяти он полоснул по третьему «чеху» короткой очередью. Кедров видел, как у боевика словно лопнула голова – три пули кучно легли точно в круглое «яблочко».

Уже через две минуты рота продолжила скрытое выдвижение к дагестанскому селу.

Замерев за кустом, комроты осматривал раскинувшийся перед ним Боташ. В реальности все выглядело иначе, чем на карте. Квадрики домов превратились в темные, с наглухо закрытыми дверями, строения. Полоски улиц в хорошо просматриваемые и, в случае чего, хорошо простреливаемые участки местности.

По агентурным данным, Гиляр вместе с десятком личной охраны находился в самом большом доме в центре села. Остальные члены его банды расположились еще в нескольких домах, находящихся недалеко от этого дома. Наверняка и на окраине села и непосредственно около домов с боевиками были устроены посты боевиков. Плюс многочисленные собаки, не желавшие вникать в проблемы и спецназовцев, и России в целом. И которым было не только наплевать на ее престиж, но и в охотку обляять его, заодно и спецназовцев тоже. Бесшумно подобраться к Гиляру было практически невозможно.

Это отлично понимали и в Генштабе. Расчет был на то, что спецназовцы скрытно сумеют подобраться хотя бы метров на сто к банде, а дальше, используя численное и огневое превосходство, в коротком бою уничтожат ее.

Кедров еще раз взгляделся в притаившееся в темноте село.

«Эх, придали бы мне еще хотя бы пару вертушек. Я бы своими орлами окружил бы центр села, а потом бы вертушками расхерячил бы его сверху. Все, кто оттуда выбегал бы, попадал под стволы моих ребят».

Но вертушек не было. Кто-то там наверху, имеющий право командовать генералами, приказал ограничить применение авиации в населенных пунктах во избежание лишних потерь среди гражданского населения. Ниже «ограничить» трансформировалось в «запретить». Так, на всякий случай. Как бы чего не вышло. Российская расхлябанность всегда удивительным образом сочеталась с российской же перестраховкой. Если надо приходить на десять, прикажут собираться к восьми. Если надо обеспечить на каком-нибудь массовом мероприятии порядок, то ОМОНа будет больше, чем зрителей. А за безобидный выкрик будут бить резиновой дубинкой по голове.

«Да мы и на околицу села скрытно не выдвинемся. Шутка ли, полторы сотни здоровых, потных мужиков приблизятся к селу. Да нас даже околевающая собака учует и такой подымет переполох, что в другом селе услышат. И «чехи», выставив заслон, рванут в горы, выковыривая их потом там. Рванут в горы... – Андрей мысленно развернул перед собой карту. С востока к селу примыкала гора, которая уже в трех километрах от него быстро набирала крутизну, превращаясь в идеальный полигон для скалолазания. – В случае опасности «чехи» туда, по доброй воле не пойдут. Они понимают, что пока они будут карабкаться по крутым склонам, мы их перестреляем как куропаток. С севера, где мы сейчас находимся, раскинулся густой лес, в котором очень хорошо раствориться. Тем более, что потом с этого леса легко уйти в горы. С запада то же самое. С юга к селу подходит ущелье, по которому через тридцать километров можно дойти до грузинской границы – самый идеальный маршрут отхода боевиков. Итак, начинается стрельба, что предпримет Гиляр? Ночь, численность атакующих непонятна. С села надо уходить. Куда? Идеально рвануть на юг и уйти в Грузию. Но, кафиры¹⁰, наверняка там устроили засаду и ударят в упор, как только туда сунуться. Нет стрельбы и на востоке,

¹⁰ кафиры – военнослужащие федеральных войск

но кафиры только ждут, чтобы мы туда сунулись. В тех горах от них не оторваться. А если ударить на север, там, где идет стрельба? Кафиры этого не ожидают. И, наверняка, основные силы сосредоточили на юге, в засаде. Значит, на север, на прорыв. А там уйдем в леса и снова будет уничтожать кафиров и мануфиков¹¹. Инша Аллах¹²».

– Евстюхов, – Кедров по рации вызвал своего первого взводного. – Бери своих людей и перебазируйся в квадрат сорок два-десять. Об исполнении доложить.

– Есть! – коротко прошелестело в эфире.

«Поможем Гиляру принять правильное решение. Ударим и с севера и с запада, – Андрей взглянул на часы – три десять. – Евстюхову надо минут тридцать – сорок. Нормально. Пока укладываемся».

Через двадцать семь минут комроты услышал:

– Командир, мы на месте.

– Понял. В три сорок начинай скрытное выдвижение к селу. Впереди пошли две группы. Задание – уничтожать все живое, включая собак.

– Есть.

В три сорок, послав вперед несколько групп спецназовцев, тридцать седьмая отдельная рота Главного разведывательного управления стала скрытно приближаться к дагестанскому селу Боташ.

Раздавшийся, словно автоматная очередь, в ночной тишине лай тут же оборвался.

«Обошлось?...»

Теперь уже настоящая автоматная очередь вспорола ночь.

«Не обошлось...»

Отдавать приказ необходимости не было. Проинструктированные спецназовцы знали, что делать. Открыв ответный огонь, они короткими перебежками стали приближаться к центру села.

Один из заслонов, боевики расположили около дома, белевшего в темноте в пятидесяти метрах от Кедрова. С его чердака тяжело рокотал пулемет.

«ДШК¹³», – автоматически определил Кедров.

Справа от себя он услышал сильный хлопок и ту же раздавшийся свист – кто-то из спецназовцев выстрелил по дому из РШГ-1 – реактивной штурмовой гранаты. Короткий огненный росчерк и из чердака ударило пламя.

Вперед! Проход открыт – Кедров знал, термобарическая головная часть гранаты гарантировано поражает живую силу в радиусе десяти метров от взрыва. То, что оставалось от прямого попадания РШГ, можно было складывать в гильзу от ДШК.

Прошло пятнадцать минут боя. Спецназовцы продвинулись вглубь села на полтора километра.

«Сейчас Гиляр должен будет принять решение. Он должен рвануть на нас. Должен!»

Длинная пулеметная очередь хлестнула откуда-то справа, из-за забора. Вскрикнул и тут же рухнул лейтенант Кожемякин. Андрея словно кто-то с силой ударил ногой в грудь. Он упал и, преодолевая боль, откатился на метр в сторону.

«Если бы не бронник, то в спине была бы дырка величиной с кулак Барсика».

По тому месту, откуда раздалась пулеметная очередь, спецназовцы открыли плотный огонь. Деревянный забор и стоящий за ним сарай, словно снесло ураганным ветром, только щепки взвились в воздух. Из окон стоящего за сараем добротного двухэтажного дома ударили сразу из нескольких автоматов. Тут же, вторя им, ударили автоматы слева.

¹¹ мануфики – служащие министерства внутренних дел из местного населения

¹² Инша Аллах – на все воля Аллаха (араб.)

¹³ ДШК – крупнокалиберный станковый пулемёт системы Дегтярёва-Шпагина

«Похоже, Гиляр пошел на прорыв. Теперь пропустить его. На околице для него приготовлен хороший сюрприз».

А практически в упор плюющие свинцом из окон автоматы не давали поднять головы.

«Надо занять дом и отсидеться».

– По дому из всех стволов – огонь! Сенцов, Рахметов – к окнам!

Под прикрытием тут же забушевавшего огненного смерча два спецназовца в один мах проскочили пятнадцать метров, отделявшие их от дома. В окна полетели старые, добрые Ф-1.

Крики, вопли, поваливший из окон густой дым.

– Вперед!

Во главе с комроты еще шесть спецназовцев кинулись в дом.

А позади них, поливая все перед собой свинцом, уже бежало на прорыв основное ядро банды Гиляра.

Андрей, головой вперед, прыгнул в чадающий дымом провал окна. Резкая боль в груди заставила скрипнуть зубами. Под бронежилетом, по груди потекло что-то горячее. Не пот, кровь. Пот прохладней и течет быстрее.

«Задели все же, гады».

Раздалось несколько выстрелов – его бойцы стреляли по лежащим «чехам», находившихся в этой комнате. Железный закон – ты должен быть уверен, что враг не выстрелит тебе в спину. Откуда знать, может этот лежащий навзничь бородатый боевик, весь посеченный осколками гранаты, еще не мертв и что он, придя в себя, не выстрелит тебе в спину? Нет, контрольный выстрел в этом деле никогда не бывает лишним.

Бородатый «чех», получив пулю в лоб, конвульсивно дернул ногами.

«Жив еще был», – мельком взглянув на уничтоженного врага, Кедров продолжал осматривать помещение.

– Сенцов, Голубев, Ревякин – к окнам. Вести огонь по «чехам». Остальные – зачистить дом!

Разбившись на пары, спецназовцы стали прочесывать одну комнату за другой.

– Евстюхов, Доставалов, пропускайте «чехов» через себя! Васильев, приготовься!

– Есть! Есть! Есть! – почти синхронно раздалось из насыщенного боем эфира – звучали автоматные очереди, какие-то выкрики, команды и мат. Точнее, команды, густо сдобренные матом.

Четверо устремились по широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Оттуда хлестнула очередь и полетела граната.

– Ложись!

И тут же взрыв. Кто-то застонал. Разозленные спецназовцы, вновь устремились по лестнице вверх. В проем полетели гранаты. Вслед за своими бойцами по лестнице взбежал ротный. Перепрыгнув через труп еще одного боевика, Андрей оказался в длинном коридоре, по обеим сторонам которого располагались двери. Всего четыре двери. Две слева, две справа. Разбившись на две пары, спецназовцы начали стандартную процедуру. Удар ногой по двери. Отпрянуть в сторону, пропуская мимо себя возможную очередь из комнаты. Все спокойно. Одновременно два спецназовца врываются в комнату, прикрывая спины друг друга. Два других прикрывают их сзади, вдруг из другой двери выскочат боевики. Пальцы на спусковых курках. В комнате никого нет. Шкаф, кровать, стол. Заглянуть в шкаф, заглянуть под кровать. Безопасней, конечно, полоснуть по ним из автомата. Но сколько раз бывало, что там прятались перепуганные дети и женщины. И сколько раз все же сначала летели пули, а потом проводился досмотр. У спецназовцев тоже есть жены и дети, которые хотят увидеть своих мужей и отцов, вернувшихся из командировки, не в цинковых гробах, а живыми...

Все чисто. Следующая комната. Роли меняются. Теперь досмотр производит следующая пара. Снова чисто.

«Неужели на втором этаже был только один чечен? Сверху стрелять же удобней...»

Боевики выскочили из-за дальней двери слева. Коридор мгновенно заполнился грохотом выстрелов. Схватка была короткой. Без криков и возгласов. Несколько коротких очередей, несколько вскриков, стоны.

Едва не ударив Андрея, распахнулась дверь справа.

«Эту комнату уже ж осматривали», – мелькнуло в голове, а руки вскидывали и наводили на цель автомат. Указательный палец замер на спусковом курке, как спортсмен на старте, ожидая, когда его товарищ отдаст ему эстафетную палочку – мушка ствола упрется в чужую плоть.

И мушка уперлась в плоть, хрупкую, женскую, трепещущую плоть. Ствол «Абакана» Андрея смотрел на тоненькую, словно веточка ореха, девчушку. Она даже не кричала, просто смотрела. В ее огромных, по кавказски черных глазах, плескался страх. Грубая, вся в черных волосах мужская рука перехватила ее за талию. А вторая рука из-под груди этой тростинки наводила на комроты десантный «калаш». Рядом с маленькой головкой девушки щерилась в улыбке бородастая голова «чеха» – голова Гиляра. Андрею, как и всем бойцам его роты, показали несколько фотографий чеченского полевого командира.

Кедров должен был стрелять. Просто обязан. Он – командир роты. В случае его смерти или тяжелого ранения боеспособность его подразделения неминуемо упадет – это закон. А значит, погибнет и будет ранено больше российских парней.

Короткая очередь в эту девчушку и пули, легко прошив ее тонкое тельце, войдут в Гиляра. Тем более, выпущенные из «Абакана» – при режиме стрельбы короткими очередями, в два патрона, эти пули ложатся одна в одну даже на расстоянии ста метров, пробивая при этом, если нужно, бронежилет. Просто вторая пуля покидает ствол автомата еще до того, как произойдет отдача от первого выстрела, такова конструктивная особенность этого автомата российских спецподразделений. Стрелять надо девушке в вниз живота, тогда, если на этом скалящимся боевике броник, пули пройдут под нижним его обрезом.

Стрелять... стрелять в эти огромные, испуганные глаза молоденькой газели. Указательный палец замер, не выбрав всего хода спускового курка. Рука, получившая эстафетную палочку, дрогнула и выронила ее. Та, вращаясь, полетела вниз. Еще мгновение и она коснется земли – команда снимается с соревнований...

...Щерившаяся в улыбке голова «чеха» лопнула, словно спелый арбуз, которого с силой ударили по «макушке». Леха Самойлов с пяти метров, навскидку, всадил в нее две пули – семь грамм мягкой стали на скорости, почти в три раза превышающую звуковую. Гиляр так и умер с улыбкой, превратившейся в смертельный оскал. В последнее мгновение своей жизни, а точнее в первое мгновение своего небытия он успел нажать на спусковой курок, но его непроизвольно дернувшаяся рука направила пули в сторону, а сил скорректировать направление, уже не было, впрочем, как уже и глаз.

– Командир, с тебя ящик пива, – сержант Самойлов, улыбаясь, подошел к Андрею и, повинувшись навсегда вколоченным в него профессиональным рефлексом, ударом ноги, выбил из мертвой руки боевика «калаш». – Цыпочка, конечно, хороша, – бесцеремонный взгляд на застывшую столбом девушку, – но своя жизнь дороже, – сержант не преминул высказать своего отношения к заминке ротного.

Обрызганная чужой кровью и кровавыми сгустками мозга, дагестанка, наконец, пришла в себя. Закрыв лицо руками, она с плачем бросилась вниз по лестнице.

– Стой, дура, убьют, – Самойлов мгновенно схватил девушку за плечо и как пушинку, отбросил от лестницы.

Та, словно загнанная птичка, заметалась в узком коридоре, споткнулась об убитого боевика, вскрикнув, отпрянула, чтобы тут же споткнуться об другой труп. Охнув и потеряв сознание, она рухнула на мертвого чеченца.

До Андрея донеслись звуки интенсивной стрельбы. Натренированное ухо легко уловило в этой какофонии частые уханья нескольких автоматических станковых гранатометов.

«Чехи напоролись на взвод огневой поддержки Васильева. Пора добивать».

– Второй, третий, четвертый. А ну, включайте «Иллюминацию»!

– Есть! Есть! Есть! – тут же последовало из эфира.

Секунда, другая сплошной стрельбы и тут в ночном небе словно вспыхивают несколько ярких, сверхярких звезд – спецназовцы запустили несколько ракет из переносной реактивной осветительной системы, прозванной в армии «Иллюминацией». Выбежавшие на околицу аула боевики стали видны, как на ладони, точнее как в тире.

Через полторы минуты все было закончено. Восемь станковых гранатомета, каждый отстрелявший по пятьдесят восемь штук гранат – две ленты, настороженно всматривались вперед своими тридцатимиллиметровыми стволами. Раскаленные радиаторы на стволе медленно остывали, отдавая тепло разгорающемуся новому дню. И вместе с ними медленно остывали и искромсанные трупы боевиков. Граната не пуля. Она не пробивает, она взрывает тело. Сорок два «чеха» так и не увидели следующего рассвета жаркого дагестанского солнца. Банда Гиляра перестала существовать.

В этот же день на многих сайтах чеченских и арабских боевиков появилась информация о том, что в районе дагестанского села Боташ, «в неравном бою с кафирами приняли героическую смерть и стали шахидами Абдул-Халим Гиляр и еще пятеро наших братьев (иншаАллах)».

... В четыре двадцать, с первыми лучами солнца тридцать седьмая отдельная рота специального назначения ГРУ растворилась в лесу, унося с собой тела трех погибших товарищей, голову Гиляра, для предъявления командованию, и девушку-дагестанку.

Глава 6

«Ничего, главное я жив и я на свободе, пусть и относительной, но свободе. А остальное приложится. Я еще достигну тех вершин, на которых был. Вы еще не знаете до конца Сарба».

«Вы» относилось к Харку и Вессе, с которыми всего лишь час назад у него был разговор. Сарб вновь сжал с силой кулаки, вспоминая эту встречу. Снисходительно улыбающийся Харк за президентским столом... Да, он имел право так улыбаться. Несмотря на все усилия его, бывшего директора Службы Государственной безопасности, Харк стал Президентом, Президентом Содружества Свободных Планет. Он победил. А победители имеют право снисходительно улыбаться своим врагам.

Встреча была короткой.

– Сарб, скажу откровенно, если бы не Весса, я бы отправил тебя на рудники Гамеда. Ты их заслужил. Но я решил прислушаться к совету умной женщины, – он улыбнулся Вессе, сидящей рядом с Харком за гостевым столом, – и привлечь к решению одной проблемы. Очень большой проблемы. Весса должна была тебя ввести в курс дела.

– Да, я в общих чертах знаю о ней, – откашлявшись, проговорил Сарб. – У Вас... нас стали пропадать звездолеты или выходить из гипера с сильными отклонениями от расчетных точек выхода.

– Не только у нас. По нашим данным та же проблема возникла у челов и, наверное, у фролов. Поэтому, скорей всего, дела не в каких-то сбоях в системах управления звездолетами, а в чем-то другом. Создана группа ученых и конструкторов звездолетов для решения этой проблемы. И Весса предложила, что бы ты возглавил эту группу. Все-таки опыт руководством сложным в научном и техническом плане проектом у тебя есть. Я имею в виду проект «Молот», – Харк вновь улыбнулся.

– Если бы не сумасшествие Мулла, «Молот» был бы у нас в руках, и мы бы уже были единоличными хозяевами Вселенной, – хрипло проговорил Сарб.

– А я бы сейчас добывал руду на Гамеде! – Харк рассмеялся.

Сарб усилием воли подавил в себе желание броситься на смеющегося своего врага и заставить захлебнуться в собственном смехе. Он опустил голову, его руки непроизвольно сжались в кулаки. Обстановку разрядила Весса.

– Я полагаю, что сейчас не время вспоминать прошлое, потому что у нас слишком не радужное настоящее и если не предпринять никаких мер, то нас ожидает трагическое будущее. Нам надо понять, что происходит и найти выход из создавшегося положения. Локки, – Сарб даже вздрогнул, не ожидая, что Весса при Харке назовет его по имени, – объективно ты с «Молотом» справился. Мы ожидаем, что ты справишься и с этой проблемой.

– А если не справишься, то Гамед с его рудниками никуда от тебя не денется, – Президент Содружества Свободных Планет О'Санни Харк уже не улыбался, а прищурившись смотрел на Сарба. – Срок – три месяца. В приемной тебя ожидает человек, который подробно тебя введет в курс дела, познакомит с группой и покажет, где теперь будет располагаться твой рабочий кабинет. Все.

– Удачи тебе, Локки Сарб, – его бывший агент «Блестящая» смотрела на него своими прекрасными глазами, в которых была жалость, сочувствие и еще что-то такое, которое Сарб так, с ходу, не смог расшифровать.

«Мне почему-то кажется, что Президентом у нас теперь будет женщина», – мелькнула у бывшего директора Службы Государственной безопасности, прежде чем за ним закрылась дверь президентского кабинета.

Встретивший его в приемной молодой человек с обычной, неприметной внешностью, был Сарбу не знаком.

«А ведь наверняка из моей службы, из бывшей моей службы. Очевидно, паренек вовремя сориентировался, кому выгодней служить».

Молодой человек был немногословен:

– Господин Сарб, следуйте за мной.

Они вышли из президентской резиденции во внутренний двор.

– Прошу, – жест рукой в сторону одного из флайеров.

Через полчаса Сарб увидел хорошо знакомое ему здание института проблем гиперпространственных перемещений.

«Действительно, а куда же меня еще могли привезти? Проблема то связана с гиперпространством. И я даже, по-моему, знаю, где мой будет рабочий кабинет».

Сарб не ошибся. Молодой человек в сопровождении еще двоих таких же неприметных молодых людей провели его в неприметную с виду пристройку, в которой он, будучи директором Службы Государственной безопасности, распорядился оборудовать себе кабинет для разговоров с Муллом, когда прилетал в институт. Сарб всегда и везде привык чувствовать себя хозяином и не переносил вести разговоры, заседания и такое прочее в чужих кабинетах. Исключение, разумеется, делалось только для Президента страны.

– Располагайтесь, господин Сарб. Через пятнадцать минут к Вам придут члены группы, а потом я Вам покажу, где Вы будете жить.

«Все продуманно, отсюда не убежишь, – бывший директор Службы Государственной безопасности отлично знал, что охрана этого сверхсекретного объекта была организована безупречно. – Значит, придется проблеме гиперпространства решать, – впервые со встречи с Президентом Харком, Сарб улыбнулся.

Это, конечно, была шутка. Шутка для самого себя. Он и в мыслях не допускал возможность побега, воспользовавшись тем, что он сейчас не в тюрьме. И дело было даже не в том, что скрыться было очень сложно, даже не смотря на то, что государство кроков раскинулось на

тысячи световых лет. Если захотят, а ведь захотят, то найдут. Свою бывшую службу он вышкочил отменно. Просто Сарбу была унизительна сама мысль – бежать. Бежать ему, потомственному аристократу, чьи предки на протяжении веков верой и правдой служили государству и всегда были, отнюдь, не на последних ролях. Нет, он решит эту чертову проблему, а потом посмотрим. Они еще узнают Сарба. И тут мужчина понял до конца, что означал тот взгляд Вессы в кабинете Президента. В нем читалось сожаление, нет, не сожаление к нему, Сарбу, а сожаление, что он оказался в таком положении. И еще в нем читалось воспоминание, воспоминание о той встрече на конспиративной квартире, когда единственный раз они были близки.

«А ведь тогда тебе понравилось, определенно понравилось. Ты даже закричала от удовольствия, и ты не притворялась. Я то могу отличить, когда женщина притворяется, а когда нет. И это притом, что отдалась ты мне вынужденно. Тебе, Весса, от меня тогда очень много нужно было. Тебе нужно было спасти Харка. И ты до сих пор вспоминаешь эту встречу, вспоминаешь с удовольствием. А это значит, что Харк, как мужчина для тебя не очень силен. Иначе у тебя не блестели так глаза, когда ты смотрела на меня, – бывший директор службы Государственной безопасности, привычно для себя принялся анализировать факты и наблюдения, выстраивая их в стройную логическую цепочку, превращая ее в крепкую цепь, на которую он, в конце концов, и посадит своих врагов. – Естественно, будоражащая нервы и гонящая в кровь адреналин опасность миновала. Ты больше, дорогая Весса, не агент «Блестящая», ведущая тонкую игру против Харка, а потом против меня. Сейчас Харк стал полностью доступен и... и оказалось, что доступный Харк стал неинтересен тебе в постели. А ты, Весса, любишь опасность, приключения, любишь адреналин. Я то тебя знаю, «Блестящая»! И вот на этом я попробую сыграть. Вы еще узнаете Сарба, клянусь Всемогущим Картаном, узнаете! – ощущая прилив сил, Сарб энергично и даже весело проговорил, входящим в его кабинет ученым:

– Входите, господа, расслаживайтесь, как вам удобно. Нам вместе предстоит много работы!

– Ты должен полететь на Сартозу и объяснить сложившуюся ситуацию. Я почти уверена, что и у вас, челов происходит нечто подобное. Дело тут ни в каких-то сбоях систем управления звездолетов. Наши специалисты все досконально проверили и ничего не нашли. И я им верю. До этого все было нормально, ничего в алгоритмах расчета точек выхода из гиперпространства не менялось, система управления не менялась, а звездолеты стали пропадать или выходить из гиперпространства совсем не там, где нужно.

– Так я должен полететь на Сартозу или улететь? – Рахад Виргул вопросительно посмотрел на Эльдиру.

– Рахад, тебе не кажется, что в последнее время у тебя это стало навязчивой идеей?

– Что у меня стало навязчивой идеей?

– Что я тебя разлюбила и стараюсь выпроводить с Матеи!

– А что, Эльдира, не так?

– Нет, не так! – громко выкрикнула женщина, стараясь криком придать уверенности своему голосу.

– Что-то ты неуверенно это говоришь.

– Знаешь, Рахад, не забывай, что я не только твоя любовница, но и Глава Совета национального спасения! И у меня сейчас голова в первую очередь занята тем, чтобы понять, что происходит.

– Вот именно, любовница. Почему ты не хочешь выйти за меня замуж? Ведь уже прошло два года. Срок более чем достаточный для траура.

– Как ты не понимаешь! Ведь я Глава Совета национального спасения, а Андрей национальный герой. И как я буду выглядеть в глазах миллионов людей, когда они узнают, что я вышла замуж за другого?

– Ага, значит заниматься любовью с другим можно, а выйти замуж за него нет?!

В комнате повисла тишина. Был даже слышен легкий шорох ветра за окнами. И словно шорох прозвучало:

– Тебе не следовало говорить эти слова.

– Я говорю то, что думаю.

– Ты полетишь на Сартозу и передашь своему Президенту мое послание или мне воспользоваться официальными каналами связи? – голос Эльдиры теперь звучал жестко, непрклонно, будто сейчас она проводило какое-нибудь совещание, а не разговаривала со своим любовником.

– Конечно полечу. Я все же, в первую очередь офицер Военно-Космических Сил чел.

– Вот именно!

«По-моему, у меня скоро не будет не только мужа, но и любовника, – Эльдира неожиданно поймала себя на мысли, что подумала об этом как-то легко, непринужденно. – Зато у меня есть пост Главы Совета национального спасения и маленький Андрей. Не так уж и мало».

– Госпожа Эльдира, – тихо, почтительно раздалось за спиной, – пора кормить Андрея.

– Да, да, конечно. Иду.

«И все-таки я права. Интересы государства важнее личных отношений нескольких людей».

После совещания у Сарба уже не было такого приподнятого настроения, как перед его началом. Ученые говорили много, пространно, густо напигивывая свою речь научными терминами. Но не это утомило новоиспеченного руководителя группы по проблеме «М» – так Сарб решил назвать свою группу. Почему «М»? Просто так. «М» не было никаким сокращением. Нет, конечно, не просто так. Просто «М» была первой буквой названия проекта «Молот», который так блестяще почти достиг своего логического конца и так жутко провалился в самом конце. Вот этот конец Сарб и отсек, оставив одну букву «М».

Сарба утомило и разочаровало другое. В пространных речах ученых мужей он не обнаружил и намека на то, где следует искать решение проблемы, где находится кончик ниточки, потянув за который можно распутать весь клубок.

Говорили всякое. И об облаке темной материи, поменявшим свое положение во Вселенной и нарушившим тем самым, структуру гиперпространства. И об общем старении Вселенной и постепенном ее изменении и реструктуризации, что неизбежно ведет к изменению структуры и гиперпространства. На прямой вопрос Сарба, что мы можем предпринять для исправления создавшегося положения, он услышал лишь невнятное бормотание. Действительно, что можно поделать с таинственным облаком темной материи? Это тебе не грозное облако, которое можно разогнать, искусственно создав необходимый температурный перепад в атмосфере и вызвав тем самым ветер в необходимом направлении. А что поделаешь с неизбежным старением Вселенной? Тут старение человека лишь сравнительно недавно научились замедлять. А ведь нужно даже не замедлить старение Вселенной, а обратить его вспять, так как нынешнее положение никого не устраивало.

Конструкторы систем управления звездолетов и гиперпространственных двигателей помалкивали, отделившись высказыванием, что с их стороны вины в случившемся нет.

Сарб слушал все это и мрачнел все больше. Видя, что некогда грозный директор Службы государственной безопасности молчит, ученые умудрились на совещании устроить ученый диспут. Одни доказывали, что виновато во всем облако темной материи, другие, что старение Вселенной.

И тут Сарб не выдержав, взорвался:

– А ну стоп! Значит так, господа ученые, слушайте сюда. Сейчас вы пойдете в свои кабинеты, конференц-залы или куда хотите, но чтобы через три дня, слышите, через три дня вы в

этом кабинете высказали общую точку зрения на причины создавшегося положения с гиперпространственными переходами и предложили путь, как из этого положения выкарабкаться. Думайте, господа ученые, думайте. Именно за это вам и платят весьма неплохие деньги. Эх, нет О'Валли Мулла, как бы все было сейчас намного проще! – Сарб намеренно вслух упомянул фамилию погибшего гениального и сумасшедшего ученого, стараясь задеть этим присутствующих.

Долгие годы, общаясь с учеными, он прекрасно знал, как те ревниво относятся к научным успехам друг друга. Обычная человеческая ревность между мужчиной и женщиной не шла ни в какое сравнение с этой. Если вторую сравнить со светом карманного фонарика, то первая, в таком случае, была вспышкой боевого лазера.

После ухода ученых Сарб еще долгое время неподвижно сидел за столом. Ему показалось, что вслух произносил фамилию несчастного Мулла, сошедшего с ума на почве неразделенной гомосексуальной любви, у него в голове мелькнуло решение проблемы. Нет, не решение. А лишь слабый, слабый отсвет этого решения. Это будто в темноте уловить далекий отблеск маяка, настолько слабый, что даже не только непонятно, где расположен сам маяк, а и наличие самого отблеска тоже ставиться под сомнение. А вдруг это плод воображения? Вдруг это проделки собственного мозга, услужливо пытающегося выдать желаемое за действительное и рисующего такой отблеск на манер тех, которые часто возникают, когда закроешь глаза.

«Эх, Мулл, Мулл, как ты сейчас нужен. Я бы тебе все простил, вернись ты сейчас, – хозяин кабинета закрыл глаза, чтобы легче было представить образ ученого. Маленький, сухонький старичок, с редкими седыми волосами на голове. И пылающие глаза на удивление детском лице, несмотря на глубокие морщины на лбу и на всем лице. Пылающие каким-то внутренним, все сжигающим и выжигающим огнем.

«Всемогуший Картан, как же я не догадался, что он сошел с ума. Где были мои глаза и мой мозг. Ведь это же было очевидно, достаточно лишь было взглянуть на Мулла, после того, как его привезли с выжженной термоядерными взрывами Суримы, – и вновь на Сарба смотрели детские пылающие глаза старого человека.

И тут Сарбу показалось, что эти пылающие глаза хотят что-то ему сказать. Он даже открыл глаза, словно ожидая увидеть перед собой живого Мулла, который бы с легкостью, в этом бывший директор Службы государственной безопасности был уверен, разрешил бы проблему сбоев при гиперпространственных перелетах. Естественно, в кабинете кроме его никого не было. Пустынно блестел стол, за которым только что сидели ученые и конструкторы, сиротливо стояли хаотично отодвинутые от стола стулья.

«Могли бы и задвинуть за собой, неряхи, – Сарб поморщился, он не переносил какого-либо беспорядка. – Да что с них возьмешь, одним словом, ученые. Ну ничего. Я с них выдавлю решение этой проблемы. Пусть хоть кровью ссут, но решение мне выдадут», – хозяин кабинета вновь закрыл глаза, но как не пытался Мулла он больше представить не смог. Выходило что-то блеклое, размытое и никаких пылающих глаз.

«Ничего, я и с тебя все, что надо выдавлю, где бы сейчас не была твоя душа».

– Господин Сарб, пройдемте, я покажу Вам, где Вы будете жить, – в дверях показался все тот же неприметный молодой человек.

– Пойдем, покажешь, – Сарб пружинисто встал из-за стола.

Глава 7

– За наших ребят, которые не вернулись.

Полторы сотни мужчин одновременно, не чокаясь, опрокинуло в себя традиционные стограмм. Затем твердо, как привыкли передергивать затвор своего автомата, поставили стакана на стол. Те издали глухой, совсем нерадостный, будто зная, за что пьется, звук.

В столовой повисла тишина. Каждый из присутствующих вспоминал недавний бой. В голове возникали разорванные, словно вспышки выстрелов ночью, картинки: «чех», набегающий на мушку прицела, пламя взрыва штурмовой гранаты, страшное, залитое кровью лицо друга, которому попала пуля в голову... И какое-то животное ликование, густо перемешанное с азартом, когда в твоих руках бьется, словно в оргазме любимая женщина, родной гранатомет и в пятидесяти метрах от тебя гранатами рвет чужие тела. А ты, словно Бог, словно Высший Судья ставишь и ставишь где нужно запятые: «Казнить, нельзя помиловать». И даст христианский Бог, долго будешь их ставить, долго еще будешь помогать своим мусульманским «братьям» стать шахидами, отправляя их к Аллаху, где каждого из них ждут столы с яствами и сорок чернооких стройных девственниц. До окончательной точки дело не дойдет – у России много врагов и с каждой снесенной головой возникает три новые. Сыны Аллаха множатся быстрее, чем сыны Христа.

Рота Андрея Кедрова после выполнения боевого задания вернулась к себе на базу, под Ростов. И на следующий день после перелета традиционный общий сбор в столовой. Боевых товарищей помянуть, стресс снять, чтобы до следующей командировки жить, как обычный человек – спокойно провожать детей в школу, спокойно ходить на службу, зная, что вечером вернешься домой, спокойно любит жену, а не неистово, до синяков на теле, будто в последний раз. Словом, все делать спокойно и размеренно.

Не у всех это получается. Человек не робот с переключателем. Щелк – и ты добропорядочный, законопослушный обыватель, любящий после работы посидеть перед телевизорным ящиком с бутылочкой пива. Щелк – и ты отлаженная, хорошо смазанная и подогнанная машина смерти, привыкшая сначала посылать автоматную очередь в сторону неясного шороха и движения, а лишь потом выяснять, что это было. Иногда этот переключатель заедало – пьяные драки в барах и ресторанах, бурные выяснения отношений с соседями, с мнимыми и действительными любовниками жен и подруг. Когда возвращаешься оттуда, где смерть также привычна, как глоток воды, спокойная жизнь на «гражданке» воспринимается, как преступление, преступление перед памятью твоих героически погибших товарищей. И часто очень хочется, видя вольготно развалившегося на стуле в ресторане «пиджака», подносящего ко рту рюмку водки, забить эту рюмку ему в рот. И некоторые забивали. А чтобы она лучше проходила внутрь, помогали ей, ломая «пиджаку» ребра.

– За нас, ребята, – донесся до Андрея голос командира второго взвода старшего лейтенанта Евстюхова.

– За нас! – взревело сразу несколько десятков голосов.

Принятая внутрь водка уже приглушила горечь потерь, стоящие перед глазами картинки боя стали размытыми, руки забыли приятную тяжесть и толчки работающего оружия.

Шум в столовой нарастал. Как обычно бывает на таких мероприятиях, люди, разбившись на отдельные группки, что-то рассказывали друг другу, учили, подтрунивали, договаривались о чем-то. Спецназовцы начали вживание в мирную жизнь. Так пройдет месяц, другой, а потом вновь – военный аэродром под Ростовом, старый трудяга АН-12 и через два часа – здравствуй Чечня или Дагестан, многострадальная, по кавказски гостеприимная и в тоже время безжалостная для пришельцев земля. Для непрощенных пришельцев. А русские, как не крути, непрощенные пришельцы. Нас никто сюда не звал.

– За нашего командира! За майора Андрея Кедрова! Ура!

– Ура! – взревело полторы сотни мужских глоток традиционным боевым кличем славян.

Кличем, вгонявшим в дрожь многие народы и пока еще успешно противостоящему, набирающему мощь боевому кличу другого этноса: «Аллах Акбар¹⁴».

¹⁴ Аллах акбар – Аллах всемогущ (араб).

И очередные пятнадцать литров водки – сто грамм на сто пятьдесят мужиков, ушло как в сухую землю. Спецназовцы Главного разведывательного управления пить умеют так же хорошо, как и воевать.

Бой был коротким. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из под ногтей я кровь чужую

Вспомнились строки недавно прочитанного и запавшего в душу стихотворения. Андрей даже невольно посмотрел на свои руки.

– Что, командир, дерьмовая у нас жизнь? Руки у каждого по локоть в крови и что за это заработали? Двушку в панельном доме и «десятку» в гараже, – в светлых глазах его взводного, лейтенанта Доставалова словно было по льдинке – серому, холодному кусочку замерзшей воды.

«Вот так он, наверное, смотрит через прицел своего автомата».

– А в заповеди же написано: «Не убий», – офицер грузно навалился на стол, стараясь поближе приблизиться к Кедрову. – И больше ничего там не написано, командир. Там не написано, что можно убивать «чехов», что можно жестко зачищать их аулы, стреляя на любое движение. Только: «Не убий» и точка. Ох, будем мы с тобой гореть в аду. Радует только одно. Знаешь, что, командир?

– Что? – тихо спросил Андрей, не отрывая взгляда от этих кусочков льда.

– Что те, кто нас посылает туда, тоже будут гореть там. Бог не фраер, командир. Он все видит! – Доставалов грубо расхохотался.

Кедров слышал такой смех. Так смеются, когда издеваются над беспомощным, находящимся полностью в твоей власти врагом.

– И вот за это, за то, что то дерьмо наверху, – Доставалов ткнул рукой куда-то вверх, тоже будет гореть с нами в аду, давай с тобой выпьем, майор, – лейтенант схватил со стола бутылку водки и уверенным движением плеснул Андрею и себе в рюмки. – Давай, – сказал он, чокаясь. – А дерьмо всегда будет наверху. На то оно и дерьмо. Это физический закон!

Ротный только сейчас заметил, что слова Доставалова с интересом слушают все сидящие за столом. И только субординация мешает им вмешаться в разговор двух офицеров.

«А по большому счету, мне крыть нечем. Да и что тут крыть? Всегда были и будут те, кто из просторных, богато обставленных кабинетов отдает приказы убивать, и всегда были и будут те, кто эти приказы будут выполнять. И Доставалов прав. В аду будут и те, и другие. Но полоскать эту тему не стоит. Все равно, кроме грязи ничего не получишь», – Кедров с шумом отодвинув стул, встал.

– Боевые друзья, – перекрывая шум, громким командирским тоном произнес майор спецназа. – Да, у нас бывает часто грязная, неблагодарная работа. Но ее надо выполнять. Потому, что или мы их, или они нас. Третьего не дано, – Кедров сделал паузу, обводя зал столовой. – Тут упомянули Бога. Да, Бог каждому воздаст за дела его. Никого не забудет. Но дела бывают праведные и неправедные. И я считаю, что мы выполняем праведное дело. Мы защищаем наш мир, наш образ жизни. Мы защищаем наше право видеть и понимать мир, как мы его хотим видеть и понимать, мы защищаем право наших женщин ходить без паранджи, мы защищаем наше право спорить и не соглашаться с чем и с кем угодно, без риска быть побитым за это камнями. Да, пусть наш мир, наша страна и несовершенны, но это наш мир и это наша страна. И мы будем это защищать. И мы это будем защищать еще и по той простой причине, что мы мужчины, настоящие мужчины. А настоящий мужчина всегда сверху. Всегда он имеет своих врагов, а не они его. Поэтому, выпьем за нас, за настоящих мужчин! – Кедров

под одобрительный рев своей роты высоко поднял рюмку, как бы чокаясь со всеми, и резким движением выплеснул ее содержимое в себя.

– Молодец, командир, – в глазах взводного Доставалова по-прежнему стояли льдинки, – правильно сказал – мы должны иметь всех. И еще добавлю – иметь всех и не терять времени. Сам знаешь, со следующей командировки можно и не вернуться. Молодец, командир. Пью за тебя и за твою прекрасную Гюльчатай.

До конца этого вечера Андрей так и не решил, дать за это своему подчиненному в морду за эти слова или это было своеобразное пожелание ему счастья в личной жизни.

... Ту, которую гвардии лейтенант Доставалов называл Гюльчатай, пришла в себя, когда рота Андрея Кедрова вышла в назначенную точку и спецназовцы садились в прилетевшие за ними вертушки. Всю дорогу до Буйнакса, до полевого военного аэродрома, где роту ждали ее родные АН-12, девушка не произнесла ни слова, отрешенно глядя перед собой. Также молча она перешла в самолет и села в указанное ей кресло. Позволила пристегнуть себя ремнями.

– Командир, зачем дагестанскую Гюльчатай с собой тащим? – сквозь убаюкивающий гул авиационных двигателей, до дремлющего Андрея пробился голос Алексея Доставалова. – Это не по правилам.

– Алексей, правила иногда нарушаются. Мы этот долбаный аул, где положили Володю Кожемякина, тоже не по правилам атаковали.

– Смотри, командир, наверху это не понравится. Как бы не было у тебя из-за этого проблем. Это не тот трофей, который можно себе оставить.

– Какой на х... это трофей! – охватившая Кедрова злость мгновенно растопила легкий ледок дремоты, покрывший усталый мозг. – Мне что нужно было, так и оставить ее, валяющуюся без сознания на трупе «чеха»?

– Ничего страшного, родные или односельчане бы сняли.

– Родные, односельчане, – Кедров со злостью махнул рукой, – как они позволили, чтобы девушка очутилась среди этих бандюков?

– Против автомата особенно не поспоришь и не забывай, что это для тебя Гуляр бандит, а для той же дагестанки соплеменник. Так что в том доме она могла быть вполне добровольно.

– Все, лейтенант, тема закрыта.

Доставалов лишь молча пожал плечами.

Андрей и сам толком не знал, зачем он приказал забрать эту девушку с собой. Лейтенант прав, это было не по правилам. Они кто? Спецназ. Тихо возникли, провели операцию и также тихо исчезли. Кто это был, откуда появились, куда исчезли враг знать не должен. Спецназовцы живут не в пустыни. У них есть родные, близкие. И у тех же «чехов» может возникнуть большой соблазн сделать больно, очень больно своим обидчикам – убить, надругаться над близкими к бойцам спецназа людьми. Джентльменский кодекс войны уже давно не соблюдается ни одной из воюющих сторон. А тут сами тащим неизвестно кого к себе на базу. И поди знай, как эта девушка связана с «чехами» и какие у нее в голове тараканы. Все это так. Но вот эти огромные, темные глаза газели, в которых плескались страх и мольба – не убивай, их куда деть? Ну не может он выбросить из головы эти глаза, как не мог, глядя в них, нажать на спусковой курок.

Андрей привык доверять своей интуиции. Он был уверен, что его мозг сам, учтя невообразимое количество фактов, а не понукаемый извне, втиснутый в прокрустово ложе так называемой человеческой логики, выдаст правильное решение. Ведь как эта самая логика учтет такие, ускользающие, почти невесомые факты, как человеческая тоска, одиночество, какое-то подспудное недовольство собой и желание что-то, непонятно даже что, изменить в своей жизни? Главное – услышать это решение, которое, отнюдь, не будет выглядеть в виде четкой надписи. Мозг не компьютер, четко печатающий на принтере черным по белому. Это может быть почти неуловимый импульс, заставляющий повернуть влево, а не вправо или даже просто приостановиться, пропуская невидимую для обычной логики смертельную для тебя пулю.

Это может быть непонятное даже для самого тебя решение попросить остановиться и выйти из свадебного кортежа, мчащегося за твоей невестой. Могут это быть и произнесенные, будто не по твоей воле, слова:

– Самойлов, бери Голубева, Рахметова и Сенцова и забери девушку с того дома.

И остролов и зубоскал сержант Самойлов мгновенно, до крови прикусит губу, грубо сминая свою улыбку, столкнувшись с твоим взглядом. Он лишь быстро ответит: «Есть!» и броситься выполнять твой приказ, ничего не спрашивая и не уточняя.

... Луна как-то смешно покачивалась в такт шагам. Настолько смешно, что хотелось рассмеяться. Он и рассмеялся, легко, беззаботно, как в детстве, видя что-нибудь смешное и еще не отягощенный условностями житейского этикета.

– Командир, ты че?

– Леха, глянь, как Луна смешно качается.

– Э, командир, все ясно. Серый, – Доставалов обратился к идущему по другую сторону от Андрея Евстюхову, – а ну давай ротному поможем. А то у него Луна на небе весело качается. Командир, а может в машину?

– Нет, хочу пройтись. Смотри, какая ночь прекрасная, когда еще такую увидишь! – Кедров оттолкнул руку пытавшегося его поддержать старлея Евстюхова и неожиданно сильным, чистым голосом запел:

Ніч яка місячна, зоряна, ясна,
Видно, хоч голки збирай;
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай!

– Ротный, так ты у нас хохол?!

Сядем укупочці тут під калиною,
І над панами я пан!
Глянь, моя рибонько, – срібною хвилею
Стелеться в полі туман.

– Наполовину, Серый, наполовину. Мать у меня хохолка, а отец русак. А родом я из Воронежской губернии, из села, что почти на границе с Украиной. Там у нас все украинские песни поют, нет, не поют. Співа-ають! Чувствуешь, Серый, співа-ають, – Андрей еще раз протяжно, напевно произнес украинское слово и снова запел:

Гай чарівний, ніби променем всипаний,
Чи загадався, чи спить;
Ген на стрункій та високій осичині
Листя пестливо тремтить.

Сильный, молодой голос легко возносился в черное небо, к блестевшим там звездам.

Небо глибоке засіяне зорями,
Що то за божа краса!
Перлами ясними попід тополями
Грає краплиста роса.

Спутники Андрея замерли, удивленно смотря на своего командира, такого они его еще не видели. Обычно сдержанный, немногословный, он часто производил впечатление человека замкнутого, не пускающего никого в свой внутренний мир, в котором, судя по всему было много горя и страданий.

Ротой Андрей Кедров командовал год. Было все, как обычно. Прибыл заместитель начальника Главного разведывательного управления генерал-лейтенант Мамуров, построил на плацу роту и представил ей нового командира – майора Андрея Кедрова. Проженных профи диверсионных действий насторожило то, что Мамуров, представляя нового ротного, не сказал конкретно, где он до этого служил. Просто – после окончания Рязанского воздушно-десантного института товарищ Кедров служил в спецназе ГРУ, выполняя особые задания. Все. И на груди майора красная широкая полоска на планке с изображением звезды из серебра – лента ордена «За заслуги перед Отечеством» первой степени. Спецназовцам не надо было растолковывать смысл всех этих знаков. Орден «За заслуги перед Отечеством» первой степени – высший орден России, которым награждаются за особо выдающиеся заслуги перед страной, за значительный вклад в дело защиты Отечества. Люди, которые им награждаются, предварительно должны быть награждены тем же орденом четвертой, третьей и второй степени. Исключения, когда давалась сразу первая степень, очень редки и касаются известнейших людей, награжденных до этого звездой Героя России, например, как бывший директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации генерал армии Патрушев. Но чтобы такой орден сразу получил какой-то безвестный майор... Интересно было бы узнать, какие задания выполнял их новый ротный. Но он молчал и лишь иногда читаемая в его глазах какая-то боль и тоска говорили, что этот человек заплатил за свой орден сполна.

Ти не лякайся, що босії ніженьки
Вмочиш в холодну росу:
Я тебе, вірная, аж до хатиньки
Сам на руках однесу.

Казалось, мир весь замер. И лишь песня, в которой слышалась печаль и какой-то надрыв, царила в этом мире.

Ти не лякайся, що змерзнеш, лебедонько,
Тепло – ні вітру, ні хмар...
Я пригорну тебе до свого серденька,
А воно палке, як жар.

Ніч яка місячна, ясная, зоряна,
Видно, хоч голки збирай,
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай!

– Небо глибоке засіяне зорями ... – уже тихо произнес Андрей. – Зори, звезды... мужики, вы только посмотрите, какие звезды... если бы вы знали, какие прекрасные могут быть звезды и как мне туда хочется...

– Командир, ты че?... Андрей, тебе плохо?

Но Кедров уже взял себя в руки.

– Алексей, давай машину.

– Давно бы так, – Доставалов облегченно вздохнул, обернулся и махнул рукой медленно едущему за тремя офицерами уазу.

Сильные руки посадили Кедрова в машину, те же сильные руки помогли выйти из нее, аккуратно поддерживали при подъеме на второй этаж дома, открыли дверь его комнаты, уложили в кровать.

– О как развезло нашего майора. Даже на звезды человек захотел.

– Ничего, проспится, завтра будет как огурчик.

А вот с этим «огурчик» Андрей Кедров и провалился в сон.

Я пригорну тебе до своего серденька,

А воно палке, як жар.

... Он медленно всплывал из черных глубин сна навстречу свету. Перед глазами крутились какие-то фантастические образы, какие-то страшные твари, разевавшие огромные пасти, пытались напасть на него. Но он поднимался все выше и выше, и чудовища отставали, исчезая в черной бездне. И вот, наконец, теплый, приятный свет разлился вокруг. И в тот же миг, еще не вынырнув на поверхность яви, еще до конца не освободившись от цепких объятий сна, Андрей вспомнил – он жив! Его спас Лю. И в то же мгновение он окончательно проснулся.

Его по-прежнему окружал неяркий, струящийся со всех сторон свет. Землянин медленно обвел глазами помещение, если, конечно, можно было так назвать то место, где он находился. Со всех сторон – сверху, с боков его окружала белая стена. Не стены, а именно стена. Привычного разделения на потолок и стены не было. Но это был и не шар. Да и вообще, ту поверхность, что окружала Андрея, стеной в прямом смысле этого слова назвать было трудно. Было такое ощущение, что это поверхность не твердая. Казалось, попытайся он дотронуться до нее рукой и пройдет через эту белую стену, не встретив сопротивления.

«Я словно со всех сторон окружен облаками, – землянин, наконец, подобрал адекватное описание увиденному. – Как в Раю, – тут же логично последовала следующая аналогия. – А так оно и есть. Для простого смертного с захоластья Вселенной, мнемы – это небожители, без всякого почти.

И из одного такого облака к нему шагнул Лю. Ни дверей, ни люка Андрей не заметил. Мнем появился, словно просто вышел из облака, или из густого тумана.

– Ну, здравствуй, Андрей, – чистая русская речь зазвучала просто в голове землянина.

Кедров даже непроизвольно дотронулся до шеи. Привычное тоненькое кольцо электронного переводчика по-прежнему находилось на ней. Но перевод слов осуществляло не оно. Андрей привык, что сначала раздавалась каркающая речь кроков или чуть гортанная фролов, а потом уже следовал электронный перевод. Тут же слова, казалось, рождались прямо в его голове.

– Здравствуй, Лю! – сбросив с себя какое-то мимолетное оцепенение, землянин вскочил с невысокой, похожей на постамент кровати.

«А боли в позвоночнике нет, – мелькнуло в голове, но Андрей даже не удивился этому. Ведь он у мнемов!

Друзья обнялись.

– Да, задал ты мне головоломку, герой, – Лю широко улыбнулся.

Андрей видел, как рот мнema открывается и закрывается, произносятся слова. Причем открывается правильно, в соответствии с произносимыми звуками. А не так, как часто видел Андрей по телевизору переводы зарубежных фильмов. Какой-нибудь американский коп энергично коротко выкрикивает тебе прямо в лицо: «Fuck you!», а с экрана слышится длинное: «Да пошел ты, козел!». И пока это произносится, коп уже давно палит из классического неуязвимого «кольта».

– Какую головоломку?

– Где тебя, было, спрашивается искать, после того, как ты получил по заднице такой могучий гиперпространственный удар? Это же тебе не в стандартное гиперпространственное окно нырять. Да тут погрешность в определение твоего импульса в десятки раз больше, чем стандартный импульс перехода в гипер! А угол входа? Ты ж в то окно влетел, как пьяный водитель паркует машину в гараж, то есть под каким угодно углом, но только не прямым. Когда мои компьютеры обсчитали область твоего возможного нахождения, я в отчаянии за голову схватился – тысяча триллионов кубических световых лет!

– Ну нашел же.

– Нашел, нашел. Успокоился, подумал, вспомнил кое-что и нашел.

– Что вспомнил?

Лю совсем по земному махнул рукой:

– Потом. Давай сначала поешь, проголодался же!

– Точно, проголодался! – ответил Андрей, ощущая неприятную пустоту в желудке.

Из того же «облака» из которого вышел Лю выкатился поднос, уставленный фроловской посудой – чашеобразными тарелками на невысоких ножках с непременными крышками, которые открывались, стоило чуть нажать в их центре.

– У вас и посуда какая-то военная, – как-то пошутил Андрей, сидя с Эльдирой за столом, – эти крышки откидываются, словно защитные колпаки на ваших боевых лазерах. Так и ждешь, что вместо возжеленной отбивной получишь в лоб лазерный луч и сам станешь отбивной.

Эльдира тогда шутку своего мужа не поддержала:

– У нас по-другому нельзя. Каждый фрол всегда и везде должен помнить в каком опасном мире он живет.

«Эльдира...» – больно резануло в сердце.

Лю мгновенно понял состояние Андрея.

– Андрей, давай поедим, а потом будем обсуждать твои дела, – мягко предложил он.

Землянин молча кивнул головой.

Поднос тут же трансформировался в стол. Возле него, как по волшебству, возникли два стула. Землянин и мнем сели.

Обед или что там по времени больше подходило, Кедров давно уже сбился со счета времени, прошел в молчании. Того радостного подъема, с каким Андрей проснулся на мнемовском звездолете, не было. На землянина навалились, отброшенные ранее мощным эмоциональным порывом: «Жив!», вопросы: что случилось с Матеей, что случилось с Эльдирой, где он и самое главное – что дальше делать?

– Что ж, теперь можно отвечать на твои вопросы, – Лю улыбнулся. – И не сиди такой хмурый. Просто подумай, ведь все могло закончиться гораздо хуже.

– Да, ты прав, Лю. Все могло закончиться гораздо хуже. А ты, получаешься, все время наблюдал за мной?

– Ну, не льсти себе так, – Лю вновь рассмеялся. – Мы следим за всеми более-менее значительными событиями, которые происходят у чело, кроков и мнемов. И, естественно, такую заварушку около Матеи мы пропустить никак не могли.

– Заварушка... заварушка, в которой могли погибнуть десять миллиардов фролов, десять миллиардов человек. Или для вас десять миллиардов не цифра?

– Ладно, не злись. Я может неправильно выразился. Не совсем то употребил ваше слово.

– Что с Матей? – спросил Кедров и почувствовал, как у него мгновенно просохло во рту.

– Не волнуйся, все в порядке. У кроков была одна гиперпространственная бомба. После того, как ты ее так эффектно разрядил, им ничего другого не оставалось делать, как покинуть окрестности Матеи.

– Сделают еще, – Андрей вздохнул.

– Не сделают, – неожиданно он услышал в ответ. – По крайней мере, не сразу.

– Почему?

– Их ученый, который, собственно, и сделал это страшное оружие, покончил с собой. А без него кроки отброшены на пару лет назад. Так что пару лет, а то и больше у челов и фролов есть.

– Покончил с собой? Почему?

Лю на мгновение задумался.

– Если коротко, то неразделенная любовь, – наконец ответил он.

– Неразделенная любовь, – медленно за мнемом повторил землянин, словно пробуя на вкус это горькое, жесткое слово, – а что с Эльдирой? – и снова в его рту пересохло.

– Находиться на Матеи. Вместе с Главным Судьей СакВоком управляет государством. Пытаются помирить разбушевавшихся фролов. Вроде это у них получается, через паузу добавил он.

– А этот человеческий генерал Рахад Виргул где сейчас?

– Он на Матеи, – тут же прозвучал ответ. – Помогает Эльдире в наведении порядка.

– И все? – через силу выдавил из себя землянин, кляня себя за этот вопрос.

Мнемы отлично понимали все недомолвки. В сущности, с ними вообще можно было не разговаривать. Стоило только подумать, и мнем все понимал. Кедров не раз в этом убеждался, еще там, на Гамеде.

– Я не знаю, близки они или нет. Мы, без необходимости, не вторгаемся в частную жизнь.

– Ну и не вторгайтесь! Я и так знаю! – Кедров вскочил из-за стола. – Конечно близки! Они были близки, когда я еще был на Матеи! А сейчас, когда я для них погиб, тем более!

– Успокойся! – слово больно хлестнуло в голову, словно бич. Как говорят у вас, еще не вечер. Любишь женщину – борись за нее!

Андрей медленно сел на стул.

– Ты можешь меня вернуть назад, на Матею?

– Могу, – тут же, без колебаний ответил мнем. – Если захочешь – верну.

– Если захочу... Лю, я еще и сам не знаю, чего я хочу.

– Андрей, на тебя слишком много свалилось за последнее время. Слишком много. Ведь еще два года назад ты был обычным молоденьким лейтенантом российской армии, а теперь ты летаешь на гиперпространственных звездолетах и для тебя проткнуть сто тысяч световых лет даже проще, чем съездить к матери в Воронежскую область. Раньше ты видел атомный взрыв только в кино, а сейчас ты уже спускался на подвергшуюся атомной бомбардировке планету и сражался там с кроками. Это все равно, что с ходу запрыгнуть на проносющийся мимо экспресс. Так можно и покалечиться. Твой мозг просто запутался и хочет одного – покоя.

– Да, на Матеи я покой получу, – произнес Андрей с горькой иронией.

– В таком состоянии ты на Матеи покой не получишь. А хочешь, я сделаю так, что все свои неурядицы в личной жизни ты будешь воспринимать спокойно?

– Это называется психокоррекцией?

– Да. Ты все будешь помнить, но эмоции будут сглажены. И все.

– Нет, Лю, спасибо. Моя жизнь – это моя жизнь. И никаких коррекций мне не надо. Я никакой ни алкаш или наркоман, которым надо внушать что-то.

– Да причем тут это!

– Повторяю, Лю, не надо. Я мужчина и я со всеми своими проблемами справлюсь сам.

– Ну, как знаешь.

– Знаю, – землянин твердо взглянул в серые глаза мнema. – И я знаю то, что я больше не хочу на Матею, – сказал Андрей и удивился, как легко он произнес эти слова. В любом случае, я им чужак. И даже хорошо, что все так закончилось. Для Эльдиры я мертв, и ее не будет мучить совесть, что она мне изменяет.

– Изменять можно и мертвым, – тихо произнес мнем. – А тем более тем, кто спас тебя. Ты изменяешь его памяти. А это бывает похуже, чем изменить живому человеку. Живой человек еще может тебя простить, мертвый же никогда. Он будит мстить тебя своей памятью.

«А ведь точно, – Андрею вспомнилась его прабабушка. – Бабушка Вера так и не вышла замуж после войны. Все ждала своего мужа, моего прадеда, погибшего в Белоруссии, в сорок четвертом. Хотя красивая была женщина, – Кедров вспомнил фотографию, висевшую в хате его прабабушки. Девушка и парень, она в каком-то темном платье с большим белым отложным воротником, он в черном костюме, белой рубашке, поверх которой виднеется какой-то одноцветный галстук – черно-белая фотография и истинных цветов, поэтому не понять. Лица спокойны и выразительны. Его прабабушка Вера и прадед Андрей. Фотография сделана сразу после их свадьбы в июне сорок первого...»

Кедрову нравилось смотреть на старые фотографии. Было в лицах людей, запечатленных на них, нечто такое, чего не было на современных фотографиях. Была какая-то торжественность, величавость. Было в лицах что-то роднившее их с ликами на иконах. Это Андрей заметил еще в хате бабушки Веры. Очевидно, фотография тогда еще была редкостью и люди, позируя фотографу, что называется, выкладывались, будто инстинктивно понимая, что смотрят не только в объектив фотоаппарата, но и в вечность.

«Сейчас уже совсем не то. Люди фотографируются мимоходом, словно на ходу перекусив бутербродом. Щелк и побежали дальше. Какая уж тут торжественность. И еще эти голливудские, широкие, больше похожие на оскал, улыбки, будто отштампованные с одного клише. Конечно с одного. Все ж сейчас говорят: «Чиз», когда фотографируются. Так и хочется иногда засунуть в этот рот этот самый чиз. Просит же».

– Все равно не хочу на Матею, – Андрей тряхнул головой, отгоняя детские воспоминания. – Чужой я им. Знаешь, все же глупо погибать за чужую страну.

– Но она много тебе дала эта страна.

– А я, по-моему, сполна расплатился за это, – быстро парировал землянин.

– А то, что у тебя будет там ребенок?

Кедров несколько секунд молчал, обдумывая услышанное от мнema.

– Да, у меня будет там ребенок. Но знаешь... – землянин замолк, пытаясь поточнее подобрать слова для своей мысли.

– Ты мужчина и твое дело завоевывать мир, – Лю за Кедрова сформулировал его мысль.

– Ну, может не так пафосно... но в целом верно. Если честно, то я ощущаю себя сейчас варягом, случайно вынесенным на чужой берег и которого местные жители приютили. Дали кров и пищу.

– И который честно за это сражался с их врагами. А местные девушки выражали восхищение чужеземному герою, способами, им доступными! – Лю рассмеялся.

– Ты прямо мысли мои читаешь! А впрочем, я забыл, с кем имею дело, – теперь уже смеялся и землянин.

– И теперь чужеземный герой хочет домой.

– Да, – твердо произнес Кедров. – И местные девушки не вправе за это на него обижаться. Сколько таких было случаев.

– Значит – Земля?

– Да, – еще раз твердо произнес землянин.

– Хорошо, – просто ответил мнем. – Правда сделать это будет чуть труднее.

– Почему?

– Потому что сейчас мы к Матеи находимся ближе, чем к Земле. На целых миллион световых лет ближе.

– Ого! Далеко же меня забросило. Кстати, а все же, как ты меня нашел. Перелопатить такой немыслимый объем пространства всего за неделю...

– Я же сказал, что сначала подумал, а потом начал, как ты выразился, перелопачивать пространство. Вообще рекомендую – универсальная технология. Сначала думаешь, потом делаешь.

И вновь мужчины рассмеялись.

– Ну и что ты надумал, чтобы меня найти?

– Я вспомнил об одной области Вселенной, где ты скорее всего должен быть, – ответил мне.

– И что это за область?

– Мы сейчас в ней находимся.

– Это понятно. Но из твоих слов я понял, что эта область особенная, отличающаяся от остального, что есть во Вселенной.

– Да, ты прав, она отличается... Пошли, – Лю порывисто вскочил и, схватив Андрея за руку, шагнул вместе с ним прямо в «облако».

Землянин, как и думал ничего не почувствовал, просто словно зашел в очень плотный туман. Зашел и тут же, через шаг вышел – перед ним разверзся Космос.

«Во дают», – только и подумал Кедров, удивления у него не было.

Абсолютная чернота Космоса, раскинувшаяся за панорамным стеклом, завораживала. Это было даже более впечатляющим зрелищем, чем мириады звезд, светящих тебе иногда за десятки миллионов световых лет от тебя. Завораживала своей неестественностью. Ни лучика света, ни искорки звезды, словно кто-то опустил гигантский занавес, закрывший все звезды.

– Я уже видел эту картину в своем десантном боте.

– Ну и как ты для себя это все объяснил?

– Единственное, что приходит на ум, так это космическая пыль. Мы находимся в гигантском облаке космической пыли.

– Настолько плотном, что закрывает собой все звезды? Ты вошел в гиперпространство на скорости примерно пятьдесят километров в секунду. Значит, с такой скорости и вышел из него. Ты бы давно уже сгорел бы, попади в пылевое облако, – возразил Лю.

– А если скорость этого облака по величине и направлению совпадает с моей скоростью? – защищался землянин. – Хотя, да. По закону гиперпространственных переходов, скорость корабля относительно точки выхода из гиперпространства равна скорости корабля относительно точки входа в гиперпространство. Значит, не облако. А что же?

– Мы его называем Великое Ничто¹⁵. Это область пространства, простирающаяся на миллиард световых лет, где действительно нет ничего. Ни звезд, ни планет, ничего. Даже реликтового микроволнового излучения, которое "выдает себя" пусть крайне небольшой, но все же температурой. А здесь полный ноль!

– Ого. Абсолютная пустота на миллиард световых лет! Невероятно.

– Да, это невероятно.

– И как же получилась такая дыра во Вселенной?

– Мы не знаем, только догадываемся, – ответил Лю.

– Я думал, что вы, мнемы, знаете все.

– Все узнать принципиально невозможно. Мы бы тогда были богами.

– Ну, вам недолго осталось, – землянин усмехнулся.

– Да, ровно столько, сколько осталось жить этой Вселенной.

– Пустяки. Так что это по-вашему? – Кедров ткнул рукой в черноту.

– На понятном тебе языке, это лаборатория для настройки фундаментальных физических констант.

¹⁵ Великое Ничто – действительно такую пустоту, простирающуюся на один миллиард световых лет в 2007 г. Обнаружили американские астрономы из университета Миннесоты.

– Как это? – только и смог вымолвить землянин.

– Вот так. Ты никогда не задумывался, что наша Вселенная довольно хрупкая штука? Ведь достаточно одной из констант, например постоянной квантового взаимодействия изменится хотя бы на доли процента, и Вселенная не образовалась бы попросту. Плотность темной энергии приняла другое значение, и Вселенная начала бы чересчур быстро расширяться или сжиматься. В таком случае не успели бы образоваться галактики и звезды. И так далее. И сейчас, изменись чуть любая из констант, и Вселенная прекратит свое существование максимум за миллион лет.

– А чего им меняться. На то они и константы.

– Нет, константы меняются. Мы это обнаружили, – возразил Лю.

– А как же твои слова, что достаточно небольшого отклонения и Вселенной не станет?

Мнем долго, с минуту смотрел на черноту перед собой, землянину даже показалось, что тот не услышал его последний вопрос. Но вот, наконец, Лю заговорил:

– Представь себе, что ты должен поразить цель, находящуюся, скажем так, на расстоянии километра от тебя. У тебя в руках обыкновенный автомат. Как ты будешь действовать?

– Начну пристреливать цель. Дам очередь, посмотрю, как легли пули. Скорректирую направление стрельбы и снова дам очередь и так, пока не попаду.

– Правильно. А теперь представь твоя цель – Вселенная. Как ее спроектировать, чтобы она в течение долгого времени не рассыпалась? Как учесть сразу все возможные отклонения?

– Лю посмотрел на Кедрова и сам ответил. – Никак. Все сразу учесть невозможно. Да и законы, подходящие в начале строительства могут оказаться неподходящими сейчас, когда построены сотни этажей. В любом случае физические константы необходимо корректировать.

– И кто их корректирует? Бог?

– Корректирует тот, кто их создал. Человек обозначил Его словом Бог. Вероятность случайного точного совпадения значений фундаментальных физических констант с теми значениями, которые обеспечивают устойчивость Вселенной, составляет величину равную десять в степени минус четыреста. Для сведения, всех атомов во Вселенной всего лишь десять в шестьдесят седьмой степени.

– А зачем Богу для коррекции это огромное пустое пространство? – спросил Андрей и неожиданно сам понял.

Он вспомнил виденный еще в детстве фильм. Там рассказывалось о самом большом в мире телескопе. Андрея тогда поразило то, что для точной работы этого исполинского механизма, его поместили высоко в горах, подальше от света и вибрации городов.

«А тут целая Вселенная. И физические константы с кучей цифр после запятой. Тут ничего не должно мешать. Поэтому здесь и нет ничего: ни массы, ни излучения. Действительно Великое Ничто».

Мнем посмотрел на землянину и усмехнулся:

– Правильно, Андрей. Для точности. Исключить любое влияние. Слишком высокие ставки.

Еще долго двое мужчин, чьи звезды, под которыми они родились, разделены были миллионами световых лет, стояли рядом и смотрели на Великое Ничто. Землянин пытался представить, как вот здесь, только протяни руку, за бронебойным стеклом, происходит великое таинство, еще более великое, чем таинство рождения, жизни, смерти и воскрешения Христа. Великое таинство непрерывного созидания Вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.